

НАШИ • ТАМ

РУСЛАН АГИШЕВ

ДИВЕРСАНТ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Наши там (Центрполиграф)

Руслан Агишев

Диверсант Петра Великого

«Центрполиграф»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Агишев Р. Р.

Диверсант Петра Великого / Р. Р. Агишев — «Центрполиграф»,
2021 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-09435-3

Картина из захолустного музея, оказавшаяся порталом, отправила Дениса Антонова на сотни лет в прошлое, в эпоху Петра Великого, поместив его в личину босоного мальчика, Алексашку Меншикова. В поисках дороги домой он с головой окунулся в пучину жестоких испытаний, став для будущего российского императора надежным советчиком и верным другом. С легкой руки Дениса в русской армии появились скорострельные мушкеты и слезоточивые гранаты, а частью флота стал грозный броненосец с батареей пороховых ракет на вооружении. Его жалуют поручиком Преображенского полка, обещают титул. Казалось, само провидение благоволит ему. Однако на его пути вновь появляется проклятая картина...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09435-3

© Агишев Р. Р., 2021

© Центрполиграф, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1. В новом теле	8
Глава 2. Первые шаги	12
Глава 3. Знакомство с царем Петром	19
Глава 4. Заговорщики наносят удар	25
Глава 5. Час икс	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Руслан Ряфатович Агишев

Диверсант Петра Великого

© Агишев Р.Р., 2021

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2021

© «Центрполиграф», 2021

Пролог

Когда-то, в самом начале моего пути, я еще имел глупость задумываться о том, кто я такой. Меня терзали вопросы о дальнейшей судьбе, о возвращении домой, об оставленных близких. Я со страхом ждал каждого нового поворота в жизни и с замиранием сердца гадал, куда меня выбросит злой рок на этот раз. Теперь же, когда прошло столько лет, я с грустным смехом вспоминаю свои прошлые терзания и страхи.

Сейчас это уже совсем не важно, ибо я превратился в мифического Скитальца. Кем-то или чем-то всесильным я был обречен на бесконечное проживание сотен жизней в разных мирах и вселенных. Личину здоровяка солдата с залихватскими усами сменил на тело вихрастого и чумазого подростка в ветхой одежде, который в очередном мире уступил очередь седому старцу в роскошном одеянии и короне правителя. Затем был калека в грязном рубище, матрос с юркой фелуки, штаб-сержант с ударного линкора флота Федерации гуманоидных миров и еще десятки людей и существ, названия которых совсем чужды человеческому уху.

Сейчас, когда у меня есть немного времени, я вспоминаю своих бесконечных аватаров. Их черты, имена, привычки сливаются, накладываются друг на друга, превращаясь в неразличимую череду образов. Ха-ха-ха, я почти ничего не могу вспомнить! Кем я был еще две жизни назад? Рыбаком из жалкой деревушки, который каждое утро без страха выходил в море на утлой лодчонке в надежде поймать хоть что-то? Как меня звали? Хик? Тари? Может, просто Старик? Не помню... А десять жизней назад? Неужели в моей памяти ничего не осталось? Кажется, я был юным баронетом и собирался принять участие в сражении. Меня звали... Роланд. Точно, Роланд.

А еще раньше? Как меня звали в самом начале? Все смешалось, в голове настоящий кавардак... Боже, я забыл свое имя! Как меня звали? Энгельд? Торвальд? Рекерт? Уи? Нет, не то! Совершенно не то! Я не помню, ничего не помню! Я совсем не помню, кем был в самом начале! Ха-ха-ха! Это же настоящее сумасшествие! Я забыл свое имя! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Я человек без имени! У меня нет имени! Я никто! Я ноль, зеро! Меня просто не существует...

Подожди-ка, надо успокоиться. Не надо истерить. Я обязательно все вспомню. Просто нужно немного посидеть и подумать. Сейчас, посижу и все обязательно вспомню. Все хорошо, все нормально. Мне просто нужно немного времени.

...Кажется, я что-то вспоминаю. Меня зовут, зовут... Д... Дэн. Нет! Денис! Да, да, точно! Я вспомнил! Денис Антонов! Искусствовед и антиквар! Хорошо, хорошо. Я вспомнил родителей, нашу квартиру, дачу, «буханку» деда. Ха-ха, я вспомнил и ту проклятую картину, с которой все это дерьмо и началось! «Штиль» Айвазовского, черт его побери! Как же я мог забыть про это сатанинское творение, это наваждение, преследовавшее меня все детство и всю юность? Я же буквально бредил этой картиной, с самых младых ногтей окружая себя ее копиями. Вырезки из журналов и музейных проспектов, размытые и нечеткие фото этой картины висели на стенах моей комнаты, стояли на письменном столе, лежали в портфеле и тетрадях, каждую секунду приковывая к себе мой взгляд... Ха-ха-ха! Из-за этой проклятой картины я и выбрал профессию искусствоведа, чтобы попытаться разгадать загадку ее магической притягательности.

Боже, это точно творение Сатаны! Разве что-то иное может быть дверью в другое время и место? Проклятая картина оказалась порталом, который необъяснимым образом переместил меня в татарского царевича, последнего хана свободной Казани. Теперь-то я вспомнил то самое первое мое путешествие, окончившееся на дыбе в царских казематах подземной Москвы. Помню и дикую боль от рвущихся сухожилий и мышц, и рвотную вонь от прижигаемого раскаленным металлом человеческого тела, моего тела, и свой отчаянный хрип. Тогда меня спасла

другая картина – царская икона, к которой мне позволил приложиться перед смертью сам царь Иван Васильевич Грозный. Оказавшись порталом, икона выбросила меня в очередной мир и другое время.

Теперь я вынужден скитаться в разных личинах и мирах в поисках той самой единственной картины, которая гениальным талантом неизвестного мастера сможет отправить меня в мою вселенную и мое время. Я не знаю, сколько еще это будет продолжаться и какие испытания мне придется перенести. Возможно, моего очередного аватара ждут страшные пытки, издевательства и смерть. Правда, все это меня не пугает. Я очень устал от своих скитаний и уже давно жду конца своего путешествия. Честно говоря, мне уже не так важно, каким он станет... Ладно, хватит лирики и нытья! Мне пора. Я нашел очередную картину и вновь буду испытывать свою Судьбу. Вдруг на этот раз мне повезет больше. Прощайт...

Глава 1. В новом теле

Как всегда после переноса, сознание ко мне вернулось одним резким толчком. Я резко открыл глаза, но сразу же закрыл их от нестерпимо яркого света.

– Черт, неужели я в райских кущах? Светло, тепло... Все-таки добегался по порталам, – с каким-то странным облегчением выдохнул я. – Стоп, – вдруг потянуло резким, тошнотворным запахом, – чем это так воняет? Навоз, что ли?! Блин! Откуда дерьмо в раю?!

В полном недоумении я снова попытался открыть глаза. На этот раз получилось лучше. Мне даже удалось кое-что увидеть. Серый камень. Не асфальт. Дорога вроде. Людей много...

– Портал меня, похоже, снова куда-то выбросил, – одними губами прошептал я, вновь осторожно открывая веки. – Куда же я попал на этот раз? Драконов не видно. Штурмовиков из звездных войн тоже.

Я замороженно таращился по сторонам, пытаюсь понять, что это за место и, главное, время? «Толпа народа. Продают, покупают. Рынок... Окают, сопят и ёкают, но все понятно. Значит, к своим попал». Вокруг меня раздавалась русская речь с замысловатыми словечками. Слышалась брань, разухабистый смех. Одежда вышагивавших мимо людей напоминала средневековую: кушаки и смятые шапки на головах, длиннополые кафтаны и охабни на плечах, широкие разноцветные пояса, лапти, сапоги и безразмерные торбозы. «Средневековье... Век только какой? Может, опять к Ване Грозному закинуло? Не дай бог!»

– Блин! – зашипел я, когда наконец-то обратил внимание и на себя. – Я что, карлик? – сознание взрослого мужчины никак не хотело принять вид довольно худых спичек-рук, покрытых болячками и ссадинами. – Не-ет, я подросток. Пацан, точно, пацан. Хоть тут подфартило, – усмехнулся я, рассматривая себя дальше. – Что это на мне за рвань такая надета?

Старая, в многочисленных прорехах, рубаха на мне была из грубого, уже посеревшего полотна. Ее ворот и рукава были пусты: ни вышивок, ни украшений не видно. Под стать рубахе были и порты, подвязанные куском простой веревки. В чем-то испачканные и ощутимо пованивавшие, они тоже нуждались в стирке и штопке. Из штанин задорно торчали две грязные шевелящиеся ступни, пальцы которых находились в постоянном движении. Не было ни тапок, ни лаптей.

– Черт, я, получается, бомж! – в сердцах воскликнул я, начиная приподниматься с каменной брусчатки. – Пирог еще какие-то валяются, – прямо подо мной лежала парочка здоровенных, умопомрачительно пахнущих рыбой, расстегаев, а чуть в стороне – широкий деревянный лоток. – Уроды! Пирог-то зачем бросать?

Вдруг по моему плечу чем-то постучали. Не сильно. Палкой какой-то.

– Хей, малшик!

Я развернулся и увидел кончик трости почти у самого своего носа.

– Малшик! Поднимайсь! Здесь веет! Здесь дорога.

Рядом со мной стояла странная фигура, внешний вид которой был совсем не похож на запомнившийся мне облик бояр и дворян Ивана Грозного. Высокий статный мужчина был, о боже, безбород! За время моей прошлой эпопеи в мир царя-тирана я так свыкся с видом растительности на лицах мужчин, что уже не представлял себе что-то иное. Борода в эти времена для мужчины была едва ли не показателем его статуса. Не случайно в правовых документах этих эпох вольная или невольная порча бороды каралась строже, чем нанесение физических увечий. Иностранец, значит! Наши бы голыми подбородками не щеголяли. Для них это ущемление чести.

На нем сидел богато украшенный камзол с несколькими рядами ярко надраенных бронзовых пуговиц, доходивших до широкого воротника. На ворот камзола спадали тщательно завитые кудри светлых волос или парика. «Точно, иностранец. Завитый парик. Камзол необычный.

Ха-ха! Это у него чулки или колготы?! Прямо д'Артаньян какой-то местного разлива. Хм... И пахнет от него чем-то странно знакомым. Блин, это же табак! Черт! Раз здесь курят или нюхают табак, то я точно не в Ванином времени! Тогда за это так наказывали, что можно было уродом на всю жизнь остаться. В XVII веке тоже, кажется, табак не сильно жаловали. Может, я, конечно, и ошибаюсь, но вроде за это ноздри рвали... Вот ближе к Петру Алексеевичу все начало меняться. Получается, выбросило меня далековато».

Не менее странно был вооружен этот человек. Вместо привычных мне слегка изогнутых сабель, а то и мечей, у его пояса висели ножны то ли с палашом, то ли со шпагой.

– Я Франц Лефорт, – скаля крупные чуть желтоватые зубы, дружелюбно пролаял он с таким видом, словно его имя известно каждой собаке; у меня же оно никаких значимых ассоциаций не вызвало. – Я давно видеть тебя Jeden Tag... Каждый день вижу тебя. Ты торговать пирог. Ты есть кароший работник. Мне потребен кароший малшик для службы. Ты не бражничать, не пускать газы и служить мой слуга...

Видит бог, в первые мгновения я заподозрил этого человека в чем-то очень нехорошем. Этот его странный, напоминающий немецкий, акцент, его то ли чулки, то ли гольфы, вдобавок длинные кудри насторожили меня. Кто знает, что на уме у этого непонятого человека, так отличающегося от остальных на рынке? Я прекрасно помнил исторические байки о засилье скрытых содомитов в средневековых замках, монастырях и дворцах, где процветали целые общества извращенцев. Правда, свою ошибку я осознал почти сразу же.

– Ты стать настоящий зольдат, кароший зольдат. Разве тебе это нравится? – Лефорт презрительно указал на валяющиеся вокруг раздавленные пирожки. – Его величеству Петру Алексеевичу нужны карошие зольдаты. Тьебя будут карашо кормить. Млеко, яйки, сало. Ты есть учиться стрелять... пуф-пуф фузея и получать много-много серебряный пфенниг. – Он вновь оскалил крупные желтые зубы и характерным жестом потер пальцы. – Очень много серебряный пфенниг.

Пытавшийся встать на ноги, я тут же бессильно повалился обратно. Теперь-то до меня дошло, куда очередная картина забросила мою грешную душу. «Конец XVIII века! Это же тот самый Франц Лефорт, швейцарец на русской службе, который станет ближайшим сподвижником будущего первого русского императора. Выходит, здравствуй, свет Петр Алексеевич со своими войнами! Опять буду, значит, мотаться между плахой, виселицей и отравленным кинжалом, пытаюсь добраться до очередной картины. У-у-у! Как же так?! Меня не могло забросить в другое время? В более спокойное время, когда не было войн? А когда у нас не было войн? Когда у нас не гнобили людей? У нас в какое время пальцем ни ткни, обязательно попадешь или на кровавую войну, или на людоедские реформы, или на все это одновременно! Каждые двадцать – тридцать лет кто-то к нам лезет из-за границы, или мы туда премся, или очередной правитель начинает ставить новый эксперимент. Нет у нас спокойного и мирного времени! Нет, от слова совсем! Ха-ха-ха, мое время, кажется, самое спокойное...»

Едва не раздавленный этими мыслями, я чуть не пропустил, как Лефорт меня поднял на ноги одним сильным рывком и быстро оглядел мои раны. В его ловких, выверенных движениях чувствовался большой опыт то ли врачевания, то ли, наоборот, убийства. Пожалуй, более верным будет второе.

– Я давно приметить тебя, малшик. Ты есть ловкий, сильный и... ха-ха-ха, наглый. – Он быстрыми движениями вытер кровь с моего разбитого лба и повел за собой. – Это кароший качества для настоящего зольдата! Слушаешь? Будешь у меня в услужении. Плачу в месяц четверть пфеннига и кормлю в своем доме. Будет сытная, гут, пища! Малшик, ты меня понимайт?

Я, конечно, утвердительно кивал на его вопросы, но больше машинально. В голове в эти минуты крутились совершенно иные мысли. «Не-е-ет, я не хочу быть солдатом. К черту эту романтику! Первый петровский набор в армию едва ли не весь в землю ляжет. Не нужно мне

этого! Таким макаром я свою картину точно не найду. Сгину где-нибудь в поле или под стенами крепости. Не-е-е! Если уж и сдохнуть тут, то лучше с пользой».

Одним ухом я время от времени продолжал вслушиваться в бодрые разглагольствования Лефорта, в ярких красках описывающего мне все прелести «карошего зольдата».

Хватит! Мне хватило такого рода романтики при Ване Грозном. Тоже там старался плыть по течению и особо не отсвечивать. А что в итоге? На дыбе распяли и все нутро отбили! Тут я пойду другим путем... Хватит сиськи мять! Я этот мир поставлю на рога! Или, если понадобится, обломаю их. Да, да, да! Пусть про эту эпоху я не знаю всех подробностей и не смогу назвать цвет кальсон ближайших сподвижников будущего императора Всероссийского или проследить до самых тонкостей весь маршрут похода русской армии до реки Прут. Однако я знаю главное! Я знаю, с чего все начнется и чем все закончится. Не надо быть провидцем, чтобы понимать, что сейчас в истории России наступает та самая реперная точка, после которой дальнейшее развитие страны может пойти по совершенно другому пути. Вот грохну сейчас царевича Петра куском деревяшки, и престол окончательно останется за царевной Софьей, которая придерживалась совсем других взглядов на будущее Московского царства. Властная, малообразованная, она во многом придерживалась старинных обычаев и традиций.

А могу стать и ярым петровским сторонником. Думаю, мое знание будущего позволит без труда занять то самое положение, что занял Александр Данилович Меншиков. Напротив, я даже уверен, что мне с легкостью удастся это сделать! Разве я не знаю, что в таком возрасте хочется подростку? У сеструхи сын почти такого возраста, и у нас с ним прекрасные отношения. Понятно же, что юный Петя едва ли не физически ненавидит атмосферу дворца, где он, мягко говоря, не первый наследник. Это живой, любознательный пацан, который жаждет приключений, открытий, нового, пусть и негативного, опыта. А кто ему может дать этот самый опыт? Кто перед ним может открыть совершенно новый, взрослый мир, который ни капли не похож на его собственный? Глупый вопрос! В том мире это был Лефорт со своими единомышленниками из Немецкой слободы, которые очаровали будущего правителя Российского государства романтикой дальних морских путешествий, необычайной свободой нравов, ниспровержением авторитетов! Дав ему пищу для ума, они завоевали его сознание. Подложив ему пронирливую девицу Анну Монс, они завоевали и его тело. Все, с этого момента он стал их на все сто процентов!

Однако теперь все это в прошлом. Теперь не Лефорт должен стать его кумиром, а я! Я, обычный подросток, недавно торговавший пирогами, должен стать тем, кому Петр будет смотреть в рот и на кого стараться во всем походить. Не думаю, что для меня это непосильная задача. Не нужно только щелкать хлебалом, и все получится...

– Кароший зольдат может стать большой человек! – Лефорт все продолжал говорить, и, как это ни странно, его слова удивительным образом ложились на мои мысли. – Государь даже может пожаловать тебя в благородное сословие. А большой человек может очень многое. У тебя будут земли, свой замок, много серебра и, может, даже баронство.

«Земли? Замок? Баронство? Ха-ха-ха! А почти пол Сибири не хочешь? А княжеское достоинство? А регентство при императоре? А может, чем черт не шутит, и сама императорская корона?!»

Я на мгновение обернулся назад, окинув взглядом оставляемый позади многолюдный рынок, распавшийся деревянный лоток и раздавленные пирожки. Я прощался со своей прошлой жизнью, где сначала был ханом Ядыгаром, бывшим правителем Казанского ханства, чернокнижником и изобретателем, а потом обычным пацаном – торговцем пирожками. «Какая ирония судьбы. Я был, пусть и недолго, ханом, повелителем жизни и смерти тысяч подданных. Через несколько дней стал заложником и почти сразу же ближником самого Ивана Грозного. А пару минут назад этот проклятый портал сделал меня никем! Нет, я даже меньше чем никто! В местной иерархии продавец пирогов Алексашка находился чуть выше нищего погорельца,

стоящего на паперти, и ниже такого же пацана, но торгующего мясными обрезками. Вот это карьера!»

Правда, чуть позже, когда внутри меня утих гнев и уверенности стало чуть больше, я осознал, что совершенно несправедлив к судьбе, кляня ее на разный лад. «Я должен судьбу, провидение или Бога на коленях благодарить, что не затерялся в портале, не погиб от яда какого-нибудь не в меру обидчивого боярина или не сгинул в царских пыточных подвалах. Мне же несказанно повезло жить! Мне дан еще один шанс все исправить! А я же вновь скулю и жалею себя...»

– Ты што молчишь, малшик? Оглох от шастья? – Я настолько погрузился в свои мысли, что Лефорту с трудом удалось до меня достучаться, когда мы оказались перед воротами его двора в Немецкой слободе. – Я тебя карашо понимайт. Я тоже был очень сильно радоваться, когда меня взял в обучение мой дядя, старый наемник. – Швейцарец ностальгически закатил глаза, видимо вспоминая свои детские годы. – Это было очень карашо. Конечно, малшик, я должен был много, очень много работать, чтобы стать кароший зольдат!

Горделиво приосанившийся, Лефорт поправил на своем боку ножны с клинком и отворил ворота во двор, где его уже ждал какой-то коротконогий и согнувшийся в поклоне мужичок.

– Ганс, – я едва не упал от имени мужичка самого затрапезного вида, у которого просто физически не могло быть такое имя, – этот малшик есть мой слуга. Звать его Лексей, – в меня тут же воткнулся колючий взгляд Ганса. – Покажи ему его место...

После чего Лефорт повернулся ко мне и прищурился.

– Ты не забыть мои слова про много и много работать, чтобы стать кароший зольдат?

Я, конечно же, отрицательно мотнул головой, мол, все прекрасно запомнил и помнить буду до конца своей жизни.

– Карашо! Вот тебе первое задание, которое нужно выполнить зер гут! Очень карашо, Лексей! Здесь папир, маленький бумажка.

Перед моим носом помахали небольшим куском желтоватой бумаги, сложенной в несколько раз.

– Ты должен отнести папир в дом моего знакомого, герра Монса. Понимайт? Это в конце слободы. Дом с высоким шпилем и резными воротами. Бегом, бегом! Чтоб пятки сверкат! Я внимательно смотрет! Гляди, малшик, я не люблю лентяй и неуч! Для них у меня всегда наготове много-много кароших розг!

Глава 2. Первые шаги

«Приветствую тебя, о нашедший этот свиток! Ты достойнейший из достойных, раз смог преодолеть сотни верст пути через девственную тайгу, быстрые горные реки и бездонные ущелья в поисках моего последнего убежища, в котором я, повелитель одной шестой части земной суши, скрылся от всех в желании в одиночестве встретить свой последний миг. Возрадуйся, путник! Наградой твоему упорству станет приобщение к величайшей тайне нашего мира, которая откроется на страницах этого свитка...

Позволь прежде назваться своим именем, которое здесь, в окружении беззаботных птиц и диких зверей, я не слышал уже целых шесть с половиной лет. Я был известен под именем Александра Великого. Подобно великому воителю седой древности я смог железной рукой объединить в одном царстве сотни народов и подарить им мир и благоденствие вместо бесконечных войн и болезней. Были у меня и другие имена, и грозные прозвища, и пышные титулы, перечисление которых займет слишком много времени и сил, которых мне отмерено не так уж и много. Я расскажу лишь об одной своей жизни, с которой и началось мое путешествие сквозь время и пространство.

В той, прошлой жизни, многие события которой уже благополучно стерлись из моей памяти и больше не докучают мне долгими ночами, меня звали Денис Антонов. Я был обычным человеком прошлого, настоящего и обычного, как я был уверен, будущего. Однако у неумолимого рока или фатума на мой счет были совсем иные планы, в которых спокойствию и предсказуемости совсем не было места.

Я бредил одной картиной, в которую гениальный маринист вложил всю силу своих эмоций и которую наделил способностью переносить людей сквозь время и пространство. С самого детства мне снились ее изумрудные волнистые линии, изображавшие полуденное море. Я бредил ею...

Первый раз я шагнул в пучину времени, когда лицом к лицу встретился с той проклятой картиной. Неведомой силой и волей меня забросило на десятки веков в прошлое, где я был обречен через кровь и боль искать путь домой. Я стал подручником одного из сильнейших правителей древнего мира, за могущество и жестокость которого проклинали и столетия спустя...

Через ужасную смерть я обрел шанс вернуться домой, но рок вновь зло посмеялся надо мной. Теперь я был заточен в босоногого незнатного юнца, Сашку Меншикова, который добывал себе пропитание продажей пирогов на рынке и мечтал лишь о теплой кожаной обуви. Страшнее постоянно испытываемого мною голода, лютых побоев отчима здесь было лишь терзающее меня знание о грядущих тяжелых испытаниях, ожидающих и меня, и окружающих людей, и страну. Приближался полный трагичных и страшных событий XVIII век, который, словно борец на ринге, переломит через колено мою страну и направит ход ее истории в совершенно ином направлении...»

Здесь на жарком июньском солнце, сидя на охапке душистого сена, было так уютно, так приятно мечтать, что я едва не мурлыкал от испытываемого наслаждения. Нежась на солнце, я вспоминал, что было со мной, и строил планы на будущее. «Что за херня в голову лезет?! Прямо как начало из какого-то фантастического романа. Что-то я совсем расслабился, а мне нельзя расслабляться! Совсем нельзя расслабляться! Сейчас я Алексашка, и только от меня самого зависит, смогу ли я стать могущественным Александром Меншиковым, приближенным самого Петра Великого, и вернуться назад».

– Ах ты, зараза! Вона, паскудник, куды забрался, – мое убежище, наконец, было раскрыто; у сарая снизу вверх на меня глядел обозленный Ганс, или, по-нашему, Гришка, слуга моего хозяина Франца Лефорта. – Хозяин его кличет, а он в ус не дует. Рожу отворачат. Быстро слазь! – Задрав вверх свою жидкую бороденку, он яростно тряс жилистыми кулаками. – Гово-

рил я хозяину, уж говорил, шта палок тебе требытся. Пяток как дать, чтобы шкура-то лоскутами слезла, туточки бы ласковым стался!

Не став слушать его разглагольствования о пользе вымоченных в густом рассоле березовых прутков для воспитания неразумных отпрысков, я сиганул с сеновала и понесся к хозяйскому дому. Вот так я, Денис Антонов, бывший неплохой искусствовед и антиквар неполных тридцати лет, и оказался в шкуре не по годам развитого шестнадцатилетнего паренька Алесашки Меншикова, бегущего на зов своего нового хозяина Франца Лефорта, полковника российской армии на службе у правительницы Софьи.

– Беги, зараза, беги! – несся мне вслед вопль сразу невзлюбившего меня Ганса. – Все равно быть тебе битым. Хозяину усе кажу...

Что мне угрозы этого зловредного мужичка высечь или наябедничать, когда я строил поистине наполеоновские планы. С первых же минут в этом времени, в личине юнца Меншикова, я решил не повторять ошибок своей прошлой жизни, из-за которых и закончил ее в мучениях на дыбе. Больше никаких поисков картины-портала, пока я не встану крепко на ноги! «Хватит ныть про свою прошлую жизнь. Все! Все эти воспоминания о мягком диване, жестяном ящике с полупроводниками и микросхемами, пиве „Яггер“, гигантских бургерах, скорости под полторы сотни на хорошей тачке и т. д. нужно на время задвинуть на самые задворки моей памяти. Сейчас это только мусор, отвлекающий меня от цели! Выжить и возвыситься! Кулаками, зубами и ногтями прогрызть себе путь наверх. Ну что, Петр Алексеевич, надевай корону быстрее, а то это сделает кто-нибудь другой. Я, например...»

– Лексей, я тебя искал. – Лефорт, как всегда «при параде», затянутый в строгий мундир прусского фасона, уже меня встречал на крыльце дома, постукивая стеклом по голенищу ботфорта. – У меня есть для тьебя поручение. Тебе идти к Монсу.

Я с трудом сохранил невозмутимое выражение лица, едва вновь, уже четвертый раз за пару дней, всплыла эта фамилия. «Как на работу к ним шатаюсь. Что-то немчура явно замышляет...»

Мне в руки лег небольшой клочок бумаги, свернутый в конвертик и украшенный сверху капелькой сургуча. Выдавленный на сургуче оттиск перстня Лефорта словно подмигивал мне – мол, все запечатано и тебе вряд ли удастся сунуть сюда свой любопытный нос.

Провожаемый внимательным взглядом хозяина, я быстро прошмыгнул за ворота и вприпрыжку побежал по широкой улице. Правда, через пару сотен метров я перешел на шаг. До семейства Монсов здесь было версты три-четыре, и спешить особо было не нужно. Кроме того, мне было о чем поразмыслить.

«Нюхом чую, что-то намечается. Лефорт носится словно стрелянный в одно место. С Монсами идут какие-то постоянные терки. Они определенно что-то готовят... Уж не переворот ли?» Я мысленно примерил Лефорта на роль вождя восставших или хотя бы его помощника. Но тут же отринул это предположение. «Не-а. Собственно, какого рожна ему мутить бучу? Правительница Софья его более или менее привечает. Вчера сам мне хвастался, что она его полковником пожаловала. Да и толком нет за ним силы. Те две роты иноземного строя, короче наемников, которыми он командует, даже близко не стояли рядом с четырьмя, а то и пятью десятками тысяч стрельцов царского войска... Если не заговор, тогда что? Не знаю!»

Словом, я в очередной раз за последние дни начинал крыть последними словами свои провалы памяти в отечественной истории. При всей массе моих специфических знаний – об итальянских, голландских, испанских живописцах эпохи Возрождения, составе масляных красок Леонардо да Винчи, устройстве испанской аркебузы середины XVI века, характере переплета первых западноевропейских печатных книг, смысле геральдических символов и т. д. – эпоха Петра I оставалась для меня полной многочисленных белых пятен. Конечно, общеизвестные вещи о великом правителе и его верном сотоварище, которые уже давно стали нарицательными, мне были известны. Это и пресловутая продажа пирожков на заре карьеры Мен-

шикова, и необыкновенная сила, и рост Петра, и знаменитые пьяные кутежи и дебоши царской компании в России и Голландии, и царское увлечение токарным делом. Однако, очень многое другое, что для местных было ясным и понятным, я просто не знал. Поэтому мне приходилось вести себя крайне осторожно.

«Ладно, если я не помню, что вскоре произойдет, то попробуем подумать. Знаний нет, но башка-то на плечах осталась... Итак, Лефорт о чем-то активно договаривается с Монсом. Оба они, в принципе, фигуры невеликие в местной политике. Лефорт – командир неполных двух сотен наемников, а Монс – торговец вином, пусть и довольно зажиточный. Никто из сильных мира за ними не стоит, на помощь людьми и деньгами им тоже рассчитывать не приходится. Вообще, что их может связывать? Деньги? Не факт. Родственные чувства? Вряд ли. Общий бизнес?»

В какой-то момент я остановился, поняв, что, глубоко погруженный в себя, свернул не в том месте. Эта часть Кукуя – другое название Немецкой слободы – мне не особо была знакома. Вокруг меня находились преимущественно каменные двухэтажные дома с нависавшими над ними черепичными крышами и аккуратными башенками. В вытянутых стреловидных окнах домов блестела слюда, а кое-где и цветное стекло.

Дорогу я все же нашел, хотя мне и пришлось потратить на это еще полчаса. Дом господина Монса оказался довольно большим. Каменные палаты возвышались на два этажа. С боков к ним были пристроены две аккуратные башенки с остrokонечными крышами, напоминавшими башни средневековых замков. Средневековая тема повторялась и на кирпичном заборе, верх которого напоминал крепостную стену. По всей видимости, господин Монс очень хотел быть бароном с собственным замком, а может, и графом.

Дальше просторной прихожей меня, как и в прошлый раз, не пустили. Видно, рылом не вышел. Слуга с пренебрежительной миной на лице взял у меня письмо и, положив его на поднос, понес в соседнюю комнату, откуда доносились два голоса – грубый мужской и тоненький женский.

На цыпочках я подошел к здоровенному деревянному комоду под добрых два метра и вытянул шею в сторону голосов. С этого места мне было не только слышно, но и видно тех, кто находился в гостиной.

– ...бр-бр-бр, Аннет, – полный мужчина с несколькими подбородками что-то выговаривал девушке-подростку, которая стояла напротив него с независимым видом, уперев руки в бока. – Бр-бр-бр-бр бр-бр-бр-бр Питер! – Монс, по всей видимости это был именно он, говорил явно на немецком, поэтому некоторые слова мне были знакомы. – Либе бр-бр-бр-бр! Ду бр-бр-бр бр-бр-бр. Питер бр-бр.

Я почти вжался в этот злосчастный комод, что не давал мне рассмотреть девицу получше. Несмотря на то что деревянный монстр не поддавался, увидеть мне кое-что все же удалось. Анна оказалась довольно привлекательной, на мой вкус, девицей. Чуть выше среднего роста, с копной роскошных каштановых волос, которые свободно спадали на девичьи плечи, она чем-то напоминала леди Винтер из советского фильма о мушкетерах. Она также гордо вскидывала подбородок, когда была чем-то недовольна или с чем-то не согласна. Губы чуть припухлые, подчеркнута красные, подведенные выразительные глаза довершали образ роковой соблазнительницы.

– Фатер, бр-бр-бр, – что-то недовольно ответила она отцу, отрицательно мотнув головой. – Бр-бр-бр-бр бр-бр-бр!

В этот момент вошедший в гостиную слуга передал Монсу письмо, которое им сразу же было распечатано. Не знаю, что было внутри, но хозяин дома едва сдержал радостный возглас. Сияя лицом, он еще более энергично начал что-то втолковывать дочери.

– Бр-бр-бр-бр бр-бр-бр Питер! Бр-бр-бр кайзер! – Он повышал голос все громче и громче. – Аннет, бр-бр-бр-бр бр-бр-бр! – продолжал напирать Монс. – Бр-бр-бр бр-бр-бр!

Качавшая головой Анна шагнула в сторону, совсем исчезнув с моих глаз. Не сдержавшись, я уже наметился влезть на стоявший рядом стул, но кто-то вдруг с такой силой вцепился в мое ухо, что на глаза аж слезы навернулись.

– Ах ты, щенок! – Незаметно подскочивший слуга Монса отвесил мне леца, отчего я кубарем полетел на пол. – Куды буркалами своими зыркаешь? На хозяйку?! – наседа на меня мордатый парень, растопырив руки в стороны. – Рылом грязным не вышел! Такой красе князя подавай, а то и кого поболее...

Мне бы за дверь махнуть и дать стрекача, да в ступоре я оказался, причиной которого стали брошенные мордоротом Монсом слова. Поэтому меня, словно кутенка, подняли в воздух и, сопроводив пинком, выбросили на улицу.

– Голодранец! – с этим воплем массивная деревянная дверь, обильно оббитая железными полосами, и закрылась, оставив меня валяться на дороге.

«Медовая ловушка... Неужели эти черти решили свою деваху Пете подсунуть? Красавцы, блин! А что?! Насколько я успел рассмотреть, все при ней. Ягодка уже созрела». От посетившей меня догадки я вспотел. «Смотри-ка, и князя, оказывается, ей мало... Вот тебе и Анна. На будущего правителя Российской империи наметилась».

Признаться, когда на меня накатывало волнение, я почему-то напрочь забывал про свое искусствоведческое образование и едва не скатывался до уголовной фени. В моей речи тут же начинали проскальзывать блатные или околоблатные словечки. От кого-то я слышал, что таким образом человек старался справиться со стрессом...

Словно в тумане, я встал с каменной брусчатки и побрел от дома прочь. Такие новости нужно было «прожевать» в полной тишине, с толком и расстановкой, что, собственно, я и сделал, добравшись до лефортовского двора и забравшись в свой укромный уголок на сеновале.

Вот, оказывается, что их связывает. Козырный интерес, мать их! К Пете с дальним прицелом решили подмазаться. А ведь как складно-то у них все получается. В памяти у меня снова всплыл притягательный образ юной немки, ладная фигурка, бесстыдный взгляд которой не должны были оставить будущему самодержцу ни шанса. С головой окунувшись в патриархальный мир Ивана Грозного и успев немного познакомиться с почти не изменившимися нравами конца XVII века, я прекрасно понимал, что Петр не устоит перед чарами юной соблазнительницы. И дело было совсем не в том, что царевич рос монахом и пугался «аки библейского Левиафана» обнаженного женского тела. Наверняка он уже был прекрасно просвещен, чем отличаются мужчины от женщин, и не раз на практике проверил это знание. Дело было совсем в другом – в его окружении и царивших там нравах! Не будем забывать, что на дворе был махровый патриархат, который применительно к особам знатных кровей вообще приобретал жесткие нравы мусульманских обществ. Здесь девицы дворянских и боярских семей почти все время проводили на женской половине своих домов, где единственным их развлечением было перемывание косточек соседям. Каждый их выход на улицу больше напоминал выход боящегося за свою жизнь преступного авторитета, плотно окруженного многочисленной охраной. Девиц также сопровождал десяток всяких мамок, кормилиц и служанок, за которыми, в свою очередь, зорко приглядывала многочисленная дворня. Из образования невольным затворницам было доступно лишь изучение Псалтыря и основ ведения домашнего хозяйства.

Кто из современниц Петра в таких условиях смог бы конкурировать с довольно образованной для своего времени, весьма свободной в нравах Анной? Притом соблазнительница имела еще одно немаловажное преимущество перед всеми остальными претендентками на сердце и голову царевича – принадлежность к совершенно иному миру, который был чуждо привлекателен и совершенно не похож на мир Петра. В мире Анны по морям бесстрашно плавали уже целые эскадры кораблей с пушками и сотнями моряков на борту, открывались университеты, гремели роскошные балы у монархов и правителей, города одели свои здания и дороги в камень, горожане щеголяли в удобном новомодном платье и не были скованы ста-

рыми патриархальными обычаями и традициями. Это был совершенно новый мир, очень привлекательный для юного Петра, жаждущего чего-то необычного и категорично отличного от его образа жизни.

К сожалению или, может быть, к счастью, в своих рассуждениях я оказался прав на все сто процентов! Не зная толком исторических подробностей той эпохи, куда меня занесло, я «увидел» этот разворачивающийся прямо на моих глазах хитроумный план с такими далеко идущими последствиями, что диву даешься. Полковник Франц Лефорт, бывший по большому счету одним из многочисленных нашедших приют в России искателей приключений, наемников пистоля и шпаги, задумал кардинально изменить свое социальное положение, приблизившись к будущему правителю огромной державы. Царевич Петр, не по годам развитый подросток, с фанатичной жадой интересовавшийся морскими кораблями и западноевропейскими военными обычаями и традициями, подходил для этой цели как нельзя лучше. Благодаря своему немалому военному опыту службы у разных европейских царьков и барончиков, Лефорт много интересного поведал юноше о современной армии, ее приемах и тактике, новом оружии и пушках, слабых и сильных сторонах различных родов войск. Собственно, именно этим хитрый швейцарец и занимался последние несколько месяцев, взяв Петра под свою плотную опеку. Лефорт часами рассказывал о войнах, в которых он участвовал; о занимательных случаях, произошедших с ним или с его товарищами в каком-нибудь бою. А что, собственно, еще нужно подростку, который был практически полностью предоставлен самому себе? Приставленные к нему слуги – пожилой стрелец и мужик-выпивоха – просто физически не поспевали за энергичным Петром, который был готов носиться едва ли не двадцать четыре часа в сутки.

Думаю, в какой-то момент швейцарец осознал, что только его усилий для достижения цели явно будет недостаточно. Ведь всегда может появиться какой-нибудь новый наемник, у которого будет еще больше занимательных историй и опыта. Нужно было еще как-то привязать Петра к себе. Как оказалось, ответ на этот почти сформулированный вопрос был до боли простым и вечным как сам мир. Шерше ля фам, как говорят в стране шампанского, или ищите женщину, которая могла бы юного царевича привязать к новым друзьям не хуже пут. На Кукуе с покладистыми девицами подходящего возраста проблем не было. Здесь можно было с легкостью подобрать себе в пару и блондинку, и брюнетку, и рыжую. Однако Лефорта устраивала лишь одна из них – Анна, дочь зажиточного торговца вином Иоганна Георга Монса, так как она обладала некоторыми, очень нужными для дела, качествами. Эта девица была неплохо образованна для женщины, обладала весьма изысканными манерами, и к тому же весьма преуспела в искусстве обольщения мужчин, в чем не так давно смог убедиться и сам Лефорт.

Убедить Монса труда не составило. Какой бюргер, не мечтающий о лишней монете, откажется от того, чтобы пристроить свою дочь в качестве фаворитки будущего царя, а может, и чем черт не шутит, и царицы? Строптивую Анну тоже удалось уломать, пообещав совершенно райскую жизнь. Девица сразу же поняла, что фавориткой царевича быть гораздо выгоднее, чем женой какого-то толстого пивовара с соседней улицы.

Правда, я не видел в планах Лефорта, Монса и его дочери чего-то из ряда вон выходящего и не свойственного духу и этого, и моего времени. Разве и в наше время не считается нормальным, когда ты ищешь выгоды для себя и своей семьи? Разве мы не склонны строить планы, основываясь на обмане и хитрости? Конечно да! Желая получить повышение по службе, добиться расположения особы противоположного пола, получить что-то очень желанное, мы, как правило, с легкостью идем на сделку со своей совестью.

Словом, в выигрыше оказывались все. Лефорт получал новые чины и звания, Монс – будущего царя в почти зятя, Анна – солидное обеспечение. Лишь я, Алексашка Меншиков, оставался не у дел, так как меня в этой комбинации не было и в помине. По крайней мере, я думал именно так. Однако последовавшие уже в этот самый день события показали, что я глубоко ошибался.

– Хей, Лексашка! – к моему глубокому удивлению, я вдруг услышал голос хозяина, в нетерпении стучавшего тростью по доскам сарая. – Ганс сказать, ты здесь. Спускайся. У меня есть очень серьезный разговор.

Раскидав слежавшееся за долгое время моего сидения сено, я стал спускаться. Было непонятно, чего Лефорту от меня понадобилось. Может, на меня наябедничал его приятель Монс, что я подглядывал за ним и его дочерью. А может, эта скотина Ганс что-то наговорил лишнего.

– Пошли в дом. Будем говорить.

Развернувшись, швейцарец потопал прямо по грязи; с его едва ли не метровыми ботфортами себе можно было это позволить, а вот мне, в лаптях, пришлось не сладко.

– Проходи. Садись.

Расположились мы, по всей видимости, в кабинете; по крайней мере, об этом говорили и десятка два книг в тяжелом комоде, и массивный письменный стол с какими-то бумагами. В этой части дома я не был ни разу, поэтому с любопытством вертел головой по сторонам, стараясь увидеть как можно больше. В моем положении любая мелочь могла оказаться полезной.

– Вот, здесь взвар. Горячит и согревает. – Он поставил передо мной глиняную кружку, гигантскими размерами напоминающую классическую пивную. – Ты есть кароший слуга, Лексашка.

Под внимательным, оценивающим взглядом Лефорта я чувствовал себя словно на каких-то смотринах. Что он от меня хотел? Зачем позвал? Пока я слышал от него лишь общие слова и никакой конкретики.

– Ты служить у меня почти месяц, и я доволен. Ты честный, – продолжал швейцарец нахваливать меня. – Не вор. Да, да, я не раз проверял тебя. Я приказал Гансу оставлять в разных местах пфенниги...

Честно говоря, мне все еще не было понятно, куда он ведет. Конечно, я помню, как перед крыльцом несколько раз находил монетки и даже перстень. Думал, их потеряли. А оказывается, проверка это была... Хм, интересно.

– Исчо ты очень умный малшик. У тебя есть голова на плечах, – с усмешкой швейцарец выразительно постучал по своему лбу. – Я уверен, что ты далеко идти. Конешна, если тебе помогать. Ведь с помощью кароших и верных друзей в жизни легше? Они тебе помогать, а потом и ты им помогать. Гуут?!

Естественно, я утвердительно кивнул. Кто в здравом уме не согласится с этим утверждением? Постепенно у меня появлялась догадка, куда клонит Лефорт.

– Ты, Лексей, достоин большего. Ты можешь стать настоящий зольдат, официир. Посмотри вокруг. – Лефорт обвел взглядом свой кабинет. – У тебя тоже должен быть свой дом. Кароший, каменный дом, куда ты привести жена, детишек. Ты хотеть свой дом? Стать знатным?

Я опять кивнул, как фарфоровый китайский болванчик.

– Я могу тебе помогать. Скоро в мой дом приходит знатный человек, который может изменить твою судьбу. Ты стать богат. Потом ведь ты не забыть своего старого хозяина?

А вот теперь-то мне все стало ясно! «Ай да старина Франц! Ай да сукин сын! Он же решил обложить Петра Алексеевича по всем правилам военной науки. Блин, со всех сторон загоняет, как волчару... Смотри-ка, с одной стороны, Лефорт действует на Петра сам, напрямую. С другой стороны, к царевичу подкатывает красотка Анна Батьковна, обязанная Лефорту. Теперь еще появляюсь я в качестве то ли слуги Петра, то ли его друга. Естественно, я тоже буду по гроб жизни обязан „доброму дяде“ Лефорту. Красавец! Нет, даже красавелло! Какой расчет! Просто и гениально... Черт, мне даже завидно».

Согласие я свое, конечно, дал. Правда, пришлось немного подыграть Лефорту, чтобы моя реакция на такое предложение выглядела как можно более естественно. Нужно понимать,

что предложение швейцарца для недавнего торговца пирожками было, как вытащить не просто золотой, а бриллиантовый билет. Знакомство с будущим царем, которому вдобавок тебя представят в самом лучшем свете, почти автоматически означало, что на тебя посыпятся многие-многие-многие блага. Это понимали и он и я! Поэтому я и дал жару с многократным именованием Лефорга отцом родным, спасителем убогих и сирот, глубокими поклонами.

Нужно ли говорить, что этой ночью заснуть мне так и не удалось. Так проклинаемая мною судьба или злой рок выкинули очередной фортель, к счастью благоприятный для меня. Теперь мне не нужно было искать выходов на будущего царя. Правда, на горизонте появилась другая проблема: а чем я, собственно, могу заинтересовать Петра Алексеевича? Что я могу предложить будущему потрясателю основ Российского государства, чтобы стать его самым близким сподвижником? Не историями про торговлю пирожками же его интересовать, в самом деле.

К счастью, не сильно разбираясь во всех исторических перипетиях эпохи, я обладал многими другими знаниями, ценность которых в глазах царевича могла быть просто невероятной...

Глава 3. Знакомство с царем Петром

Нас, всех слуг и дворню, собрали с самого утра во дворе, у крыльца дома. Почти десяток человек: цыганистого вида хромой конюх, трое молодых горничных в белых передниках и странных чепцах на голове, красноносый, переваливающийся с ноги на ногу повар, пара мордатых детин-сторожей, угрюмо поглядывавший на всех Ганс и двое каких-то бродяг, которых я редко здесь видел. Сам хозяин долго себя не заставил ждать и появился едва ли не сразу, как мы собрались.

– Все слушайте меня внимательно! Очень внимательно! – Чувствовалось, Лефорт был сильно взволнован. – Завтра сюда приехать очень важный человек. Это очень знатный господин, очень. – Он таким взглядом прошелся по нам, будто хотел удостовериться, что мы действительно прониклись особой важностью завтрашнего мероприятия. – Все должно быть очень карашо! Зер гут! – Его указательный палец взлетел вверх, уверенно протыкая воздух. – Ганс! – вдруг заорал он так, что слуга едва не подскочил на месте. – Все здесь вычистить! Чисто-чисто! Увижу даже маленькую соломинку, шкуру спускать! Брусчатку мыть! Щелоком! Тереть песком! Чтобы блестеть! Вы! – Он перевел взгляд на присмиривших горничных. – Ковры чистить...

Значит, как сказано в одном из старых фильмов, «мы на пороге грандиозного шухера». Пожалуй, точнее было не описать то, что началось в доме Лефорта. Все слуги, дворня, словно наскипидаренные, носились по дому: моя, чистя, полируя, крася все подряд. В открытые ворота двора то и дело въезжали телеги, нагруженные мешками, бочонками, какими-то рулонами. Как чумной бегал и сам швейцарец, старавшийся успеть везде и проследить за всем.

– Лексей! – догнал меня его вопль возле конюшни, где я думал в спокойствии и тишине хоть пару минут дух перевести: загонял меня старина Ганс как сивку. – Что сказать господин Монс? Он и фрау Анна приходят?

Я тут же кивнул в ответ.

– Это есть очень карашо, малшик. Зер гут! Завтра быть знаменательный день!

Высоко поднявший вверх палец швейцарец был явно воодушевлен. Его усики едва не торчком стояли. Сам же Лефорт от переполнявшего его возбуждения не мог устоять на месте и мерил крыльцо шагами.

– Знать, кто приехать к нам в гости завтра? – хитро взглянул он на меня. – Это сам наследник! Царевич Петр! Это стать великий день для всех. И для тебя, Лексей. – Крючковатый палец сразу же уперся в мою грудь. – Ты ведь помнишь о наш с тобой разговор. Запомни, это есть наш шанс...

От Лефорта я уходил в довольно расстроенных чувствах. Не скрою, я думал, что до встречи с будущим императором у меня еще есть время. «Блин! Уже завтра! Жук, раньше, что ли, сказать не мог?!» Я ставил на эту встречу слишком много, скажем, даже все! «Черт, что делать? Что делать?»

Двор я пересек словно метеор. Взлетел по лестнице и рыбкой нырнул в сено, зарывшись в него с головой. Сейчас мне срочно нужно было выработать хоть какой-то план...

– Надо успокоиться, успокоиться, – бормотал я, пытаюсь расслабиться. – Блин, успокойсь тут! Вот придет он, что я ему скажу? Добрый день, царевич? Бонжур, наследник престола? Или хеллоу? Да этот пацан меня пошле... – запнувшись, я замолчал; у меня мелькнула какая-то мысль. – Пацан, пацан. Это же всего лишь пацан, мальчишка. У меня же уже получилось один раз стать его другом? Получилось. Что, Петр семи пядей во лбу, что ли? Он обыкновенный подросток, который просто обожает приключения и развлечения! Яркое подтверждение этому его игра с потешными войсками. Как там было? Крепости делали из снега, стреляли из пушки пареной репой, на лодке плавали по озеру.

Этот разговор с самим собой удивительным образом успокаивал. Я бормотал все новые и новые доводы, которые казались мне довольно убедительными. Постепенно выстраивалось и некое подобие плана дальнейших действий.

– Неужели я, человек XXI века, не смогу произвести на него впечатление? Если уж меня при Иване Грозном слушали с открытым ртом, то и сейчас, думаю, будет так же. Что, у меня баек осталось мало? Еще какие-нибудь фокусы бы не помешали. С теми же картами, например, могу много чего показать. Еще с веревками парочка фокусов у меня имеется. Хорошо бы, как Нео в «Матрице» ложку согнуть. Подожди-ка, ложку сгибать не обязательно. Достаточно просто сделать вид, что ты ее согнул, – тут мне припомнился гулявший в Сети ролик про нечто похожее, где паренек на камеру делал вид, что гнет чайную ложку силой воли. – И еще бы что-нибудь убойное, чтобы наследник минут пять-шесть с открытым ртом ходил. Что-нибудь эдакое, взрывающееся...

Вот тут я снова замолк, понимая, что нащупал просто убойный аргумент в разговоре с Петром. О его фанатичной любви ко всему стреляющему и взрывающемуся, я прекрасно помнил из курса истории и думал сыграть на этом. Значит, мне нужен фейерверк. Пусть это будет самый простенький, плохонький, но, главное, настоящий огненный дождь. Хорошо бы, конечно, забаббахать что-нибудь грандиозное. Чтобы все взрывалось, гремело, шипело и сверкало, а из центра выхожу я... Блин! Бред какой-то в голову лезет! Какой к лешему фейерверк?! Петр уже завтра будет здесь. А с салютом пару днейковыряться надо при условии, что с ингредиентами проблем не будет. Как я все успею сделать – и сам фейерверк, и место приготовить? Не дай бог кого-нибудь пораню или вообще убью. В спешке ведь можно такого накуролесить, что за голову будешь хвататься.

– Жаль, конечно, что не получается, – я перевернулся на спину и стал разглядывать лучики солнца, пробивающиеся через обветшавшую соломенную крышу. – Было бы красиво... А может, попробовать что-то попроще? Какой-нибудь детский фокус?

Я вновь задумался, усиленно копаясь в своих детских воспоминаниях. Как на грех, в голову лезли какие-то глупости – бросаемые с многоэтажек презервативы с водой, подкладываемые на сиденье одноклассникам кнопки, мазание лица спящих друзей зубной пастой в пионерских лагерях, засыпка соли в сахарницу, склеивание страниц учебника, привязывание к бродячему кошаку жестяной банки и т. д. Все это, конечно, было смешным для мальчишки определенного возраста, но совсем не тянуло на то, что мне было нужно.

– А может, его не смешить надо, а напугать? – в голову вдруг пришла другая идея. – Возьму вон из деревяшек маленькие клыки настругаю и за губы засуну. Потом выскочу из-за угла и зарычу... – после секундной паузы я добавил: – И в Магадан поеду, снег убирать. Блин, какой к черту Магадан?! В Соловки! Не-ет, Петра пугать глупо. Себе дороже. А вот при нем напугать кого-нибудь другого... Кажется, царевич любил жесткие, на грани фола, шутки. Говорят, Петр I любил устраивать шуточные пожары, когда в городе пускался слух о страшном пожаре, звонили колокола, с ведрами носились стрельцы. Или любил в питье некоторым боярам наливать уксус, который заставлял выпивать залпом.

Словом, идея эта мне приглянулась. Тем более я уже знал, над кем хочу подшутить. Этой жертвой должен стать старина Ганс! Да, да, тот самый паршивец, что почему-то сильно меня невзлюбил и постоянно устраивал мне всякие пакости. То наябедничает Лефорту, то мою еду собакам отдаст, то затрещину мимоходом отвесит. «Будет, значит, тебе, Гансик, отлетка. Вечерком прямо из темноты, как выскочу на тебя с клыками, торчащими изо рта! В штаны мигом наложишь!»

...Глубоким вечером, когда большая часть замученных слуг без задних ног дрыхла, меня вновь нашел хозяин. Ему явно не спалось и, похоже, нужна была компания. По крайней мере, на последнее намекали пара бронзовых фужеров и запечатанный сургучом кувшинчик в его руках.

– ... Это карошая страна, Лексей, – икнув, начал Лефорт. – Вы все здесь... ты тоже совсем не понимать это. Московия очень карошая страна. Только церковь...

«О-о! Да вы, ваше благородие, нарезались». Швейцарца качнуло, но я вовремя поддержал его за руку. «Так скоро дойдет и до классического – ты меня уважаешь?» Конечно, глядя на разоткровенничавшегося Лефорта, я зубоскалил про себя. Было довольно смешно наблюдать, как всегда выдержанный, строгий, словно затянутый в невидимый корсет полковник буквально растекся на своем кресле.

Чувствуя, что откровения швейцарца затягиваются, я еще подбросил дров в здоровенный камин, который бы с жадностью заглотил еще столько же. Когда же смолистые поленья занялись огнем, заполняя теплом и запахом смолы гостиную, мне послышалось кое-что интересное. «Так... А вот с этого поподробнее, господин полковник».

– Сначала я думать, что здесь церковь другая. У вас можно верить по-другому. – Лефорт кивнул на скромно лежавшую на столе Библию, небольшую книгу в простом черном кожаном переплете. – Можно строить свои кирхе. Можно заводить своих просвитер. – Лефорт все чаще и чаще вставлял слова на родном языке. – Но потом я видеть другое...

Я превратился в «одно большое ухо», так как Лефорт начал рассказывать какие-то просто невероятные вещи. Судя по его сбивчивой, часто прерываемой пьяными бормотаниями речи, наша церковь при полной поддержке царевны Софьи жестко боролась с теми, кто пытался сделать что-то новое или изобретал что-то необычное. Запрещалось что-то изменять в старинных обычаях, военных уставах, домашних традициях, одежде, кухне и т. д. Из школьного курса истории и баек на своей работе в антикварном салоне я, конечно, много слышал про патриархальную Русскую церковь, которая веками словно цепной пес защищала все устоявшиеся обычаи и традиции. Слышал и про пресловутые бороды, которые имели знаковый и едва ли не сакральный характер для владельца; и борьбу с табаком, объявляли дьявольским; и про «немецкое» платье, которое осуждалось среди простого люда; и длинные рукава боярских шуб, что Петр I с такой яростью прилюдно отрезал; и т. д.

«Хм, что-то швейцарец прямо бочку катит на нашу Церковь. Насколько я помню, патриарх и сама царевна Софья, конечно, были противниками всяких петровских задумок, но чтобы прямо бороться с изобретателями... Если честно, лабуда какая-то. Как бы в итоге не узнать, что здесь свою инквизицию создали, чтобы с разными изобретателями бороться».

– ... Мне говорить, нельзя другой платье для зольдат, нельзя другой эссен, нельзя другой курирен... э-э-э... лечить. Мол, все не по старине от Сатаны... Делать только так, как говорить они. Слушать, что говорят они. Слышишь? Так не должно быть, Лексей. Так нельзя. Они не понимать.

Полковник зачем-то попытался встать, но у него ничего не получилось. Привстав, он снова плюхнулся в кресло.

– Я говорить зольдат... Вашен... мыть хенде. Ты есть мыть руки, зольдат. Ты есть грязный! Швайне! – Лефорт «хлопнул» еще одну кружку. – А ба... туш... ка против. Так нельзя. Нихт рихтиг... Лексей, слышать меня? Они следить за всеми. За каждым смотреть. Не верь бату...шка... Э-э. – Он попытался еще что-то сказать, но не смог и... захрапел.

Я критически окинул тушу этого лося взглядом, прикинув, сколько он может весить, и отказался от идеи тащить его до кровати. «Определенно, не дотащу. На русских харчах откормился, боров. Плащом укрою его и хватит... Эх, задал ты мне загадку, Франц Батькович. Нехорошая это загадка... Чую я, и ответ на нее тоже нехороший».

Выбравшись из дома, я отправился в свое убежище, в котором спокойно можно было обо всем поразмыслить. Место тут было спокойное. Никто, кроме меня, на сеновал не лазил. Ганс считал это выше своего достоинства. Конюху, с его деревяшкой вместо ноги, было не до сеновала. Остальная дворня здесь тоже особо не шастала.

– Что-то я не пойму ни черта... – посреди душистого сена, в голову мне стали приходиться очень странные мысли. – Помню же, при Ване я столько всего наворотил, что все должно быть совсем по-другому. Лекарни вон же при мне еще начали в городах ставить. Царские глашатаи по всем площадям, деревням и весям трубили, что в царские лекарни всяких травниц и знахарей набирают. Как говорится, приходи ко мне лечиться... А тут, что за херня такая творится? Церковь с цепи сорвалась и руки мыть запрещает? Сплю, что ли? – Я ущипнул себя, и резкая боль подсказала, что это реальность, а не сон. – Блин! Что тут творится?

По пьяному делу Лефорт ведь еще много чего рассказал, что еще больше запутало меня. Перемешивая русские слова с немецкими, он бормотал о какой-то старинной фузее с колесцовым замком и связанной с ней легенде. Мол, есть где-то в царских закромах огнестрельный огнебой, что привезен был из далекой-далекой страны на Востоке. Денно и ночью, рассказывал Лефорт, вот уже сто лет четверо дюжих монахов с пистолями и саблями, окропленными святой водой, сторожат это оружие. Боятся, что нечистый придет за своей фузеей и заберет ее.

– Постой-ка, уж не одно ли это из моих ружей, которое я сделал для Ивана Грозного во время одного из своих путешествий во времени? Шустро палит, замок с колесиками, все как у меня. – Мелькнувшая догадка мне показалась очень верной. – Вот, значит, как. Разобраться с моим ноу-хау не смогли. Лучше, значит, охаять и спрятать под замок. А зачем тогда эту мистическую мишуру наворотили? Сторожа-монахи со святой водой? Дьявола сюда приплели? Странно... Что-то не нравится мне все это. Дурно пахнет, друзья-товарищи.

Честно говоря, реальность, действительно, пахла не розами и подснежниками. Моя недолгая жизнь в личине последнего казанского хана Ядыгара, который в реальной истории должен был сгинуть на стенах осажденной крепости, как оказалось, внесла некоторые изменения в историю эпохи. Мое эффектное исчезновение из подземной темницы произвело на царя и его сподручников поистине неизгладимое впечатление, что не могло не сказаться на многом... И так не сильно светского склада ума, царь Иван Васильевич окончательно ударился в религию, начав с дикой яростью преследовать любые отклонения от традиционного уклада жизни, объявленного едва ли не главной православной ценностью Отечества. Сильно усилившаяся Церковь получила настолько широкие права, что ее структуры стали нередко заменять собой государственные органы. При многочисленных монастырях из иноков – бывших стрельцов и казаков – создавались особые церковные дружины, которые в городах и крупных селах вообще заменяли собой власть.

Церковь рьяно боролась с любыми отклонениями от патриархального канона, мощным катком давя скоморошью ватаги, светские развлечения, любознательных розмыслов. В только что созданных лекарских школах молитва и пост стали наиглавнейшим средством и методом лечения, а лекарства заменили собой святая вода и крест. Привезенные из других стран книги сжигались, а сказанное в них объявлялось ересью.

Однако превращению России в теократическое государство, где верховный правитель сочетал в себе и высшую религиозную власть, помешала, как и в реальной истории, – Смута. Ослабленное и внутренними раздорами, и тяжелой войной с Речью Посполитой государство вновь погрузилось в пучину анархии.

История в очередной раз показала себя сложным заржавевшим механизмом, для поворота которого было недостаточно малого усилия. Здесь требовалось мощное комплексное воздействие по всем фронтам.

...Я же уже пригрелся под теплым покрывалом, лежа в своей камерке под лестницей, когда мне с жуткой силой захотелось по-маленькому. Выпитый на ночь ядреный квас настойчиво запросился на волю, и игнорировать это желание было бы очень опрометчиво. С проклятиями я вылез из тепла и, накинув на себя какую-то дерюгу, выбрался на крыльцо. От идеи справиться нужду прямо здесь отказался.

– Сегодня с крыльца отливаешь, завтра срать в доме начнешь. Не-ет, друг любезный, давай-ка отойдем подальше, – с бормотаниями я пошел в сторону конюшни, за которой было подходящее место. – Блин, тут уже все заминировано! Чуть не вляпался! Немецкая слобода, мать их, сортир нормальный сделать не хотят! Планы тут по захвату вселенной строят, а гадим у забора.

В этой самой позе писающего мальчика я и замер. Не знаю, что так подстегнуло мою умственную деятельность, – то ли тихая ночь, то ли великолепное звездное небо над головой, – но я вдруг начал фонтанировать интересными идеями.

– Вот чем можно заинтересовать царевича. Не детскими фокусами и быдловатыми развлекухами... Его можно поразить лишь настоящей Идеей, – остекленевшими глазами я смотрел в темень и шептал и шептал: – Мечтой! Целью! Он же фанатик. Целеустремленный до ужаса, верящий до упора в свое дело. Пусть сейчас он еще не такой, но уже скоро им станет. – Улыбка тронула мои губы; я определенно был на верном пути. – И я должен стать тем человеком, кто и заразит его этой мечтой – мечтой о сильной стране, крепко стоящей одной ногой на огромных многопушечных линейных кораблях, а другой – на многотысячных полках прекрасно обученных солдат.

Да, да, теперь я точно знал, что должен рассказать будущему императору. Расскажу ему про великую страну и великого самодержца, который заботится о своих подданных, а те, в свою очередь, его любят и уважают. Упомяну про разумно организованную и работающую экономику страны, основанную на тысячах мануфактур с разнообразными механизмами и довольными работниками. Мягко ткну его в сегодняшние феодальные заводики, больше похожие на рабовладельческие латифундии и производящие совершенные крохи продукции. Не забуду и про крестьян, которым как воздуха не хватает земли; и про мздоимцев, что кровопийцами присосались к государству.

Потом «зайду с козырей», начав рассказывать про армию нового типа. Ведь флот еще может подождать. Строить его долго, а учиться его водить еще дольше. Армия же ждать не будет. Пусть юный Петя послушает и мотает себе на ус, что сегодняшние стрелецкие полки – это вчерашний день. В современных войнах, где на поле боя господствует быстрый маневр и жесточайшая дисциплина, не место старым традициям и обычаям. В красках расскажу про стройные колонны шведских полков, которые перестраиваются с четким изяществом роботов и залповой стрельбой накрывают ряды солдат противника. Поплачусь о древних фузеях, которые едва достреливают до врага; о сотнях орудий разного калибра; об отсутствии полковых кухонь; о косящей солдат дизентерии от плохой воды; о неудобной военной форме и т. д. и т. п.

В конце своей речи перейду к морю, которое с самого детства манило Петра. Благодаря тоннам прочитанных пиратских романов и сотням просмотренных фильмов морской тематики я в красках и запахах опишу наследнику красоту морского заката, страх и ужас бушующего шторма, отчаяние выброшенного на необитаемом острове. Будут в моем рассказе и яростные сражения многопушечных фрегатов и галеонов, везущих из далекой Новой Испании тонны серебра и золота; и визжащие от страха пленные, запертые в тонущих кораблях; и радость моряков, с победой возвращающихся домой. Не забуду рассказать про прославленных пиратов Запада, корабли которых с развевающимся на мачте Веселым Роджером наводили ужас на целые страны. Пусть имена Ф. Дрейка, У. Кидда, Черной Бороды и многих других звучат таинственной музыкой в его ушах и заставляют еще сильнее бредить морем.

В моей речи, естественно, почти не будет подробностей и проблем. Это будет идеал, лубочная картинка, но сейчас юному Петру нужно именно это. Сначала прекрасный миф, а только потом сопутствующие ему пот, грязь и кровь.

...На этой мысли я очнулся. Было зябко. Оказалось, так и продолжаю стоять возле конюшни с приспущенными портами.

– Ну я и дал! Сколько же тут, как статуя, стоял? – чертыхаясь на себя, на Петра и на судьбу, я подтянул порты и быстро завязал завязки. – Аж все хозяйство окончено... Все, хватит философствовать. Я готов, готов! Я на него столько всего вываляю, что он мне в рот будет заглядывать. Да что там в рот?! Молиться на меня будет, – продолжал бормотать я. – По каждому вопросу советоваться будет. Я же все знаю. Я же ходячая Википедия!

Это были очень смелые и самоуверенные заявления. Ну и что?! Я был воодушевлен. Мне казалось, что прошлое уже не повторится и дальше все пойдет как по маслу. К сожалению, мне это только казалось...

Глава 4. Заговорщики наносят удар

Коломенский дворец, построенный еще при царе Алексее Михайловиче и сейчас служивший резиденцией для царевны Софьи, со стороны реки был похож на нарядную игрушку, что во множестве привозят корабейники на рынки и базары городов и городков огромной страны. Раскинувшийся на невысоком холме, дворец, состоявший из двух десятков башен и теремов, был окрашен в самые разные цвета. Золотом сверкали пузатые шатры церкви Казанской иконы Божией Матери, старым серебром – оловянные пластинки на крышах разноуровневых теремов, багровым и желтым цветом – высокие резные наличники на остроконечных окнах, светло-бурым цветом – неровные четырехугольные плашки осинового теса на стенах, так похожего на луговой камень.

Эта красочная игрушечность, пряничная нарядность казалась, на первый взгляд, такой милой и беззащитной, что многие заграничные послы, искавшие милости могущественной царевны Софьи, лишь разводили руками и славил невиданную смелость российской правительницы. Мол, только очень сильный духом и любимый подданными государь, не боящийся ни хитрости наемных убийц, ни ярости нищего люда, может править из такого открытого всем ветрам дворца без высокой каменной стены, без глубокого рва и мощных защитных бастионов. Конечно же, дьяки Посольского приказа и встречавшие послов бояре на все эти восхищения важно кивали головами с длинными бородами и говорили, что наша государыня «великими милостями воспылала к черному люду, вельми заботлива к сирым и убогим, даже самый грязный калика переходить может к ее милости воззвать».

Тот же, кто обладал наметанным глазом и хотя бы раз бывал при штурме городов и крепостей, при всех этих росказнях непременно бы улыбнулся или даже рассмеялся. Уж слишком нелепо звучали эти слащавые комплименты о великой заботе и милости государыни к народным низам в этом месте... Дворец лишь казался нарядной игрушкой, которая сама просилась в руки врага. На самом деле все было совсем иначе. Со стороны видневшегося вдаль леса дворец защищал почти километровый частокол из мощных дубовых бревен, концами упирившийся в невидимые для гостей глубокие овраги. Вражеская атака с этой стороны почти сразу же захлебнулась бы, так и не став опасностью для правительницы. Со стороны реки вражеским ратникам пришлось бы карабкаться по довольно крутым склонам холма и стать прекрасной мишенью для лучников, защищающих дворец. Казавшаяся беззащитной широкая дорога, ведущая прямо к Передним воротам дворца, также таила в себе множество опасных сюрпризов для тех, кто посмеет нарушить покой грозной правительницы Российского государства. Нападавших здесь подстерегали и многочисленные ручницы, спрятанные в стенах стрелецких изб у дороги, и многопудовые пушки, ждавшие своего часа за фальшивыми стенками. Крепким орешком были и внешние стены дворца, составленные из неохватных руками мореных дубов, лишь для красоты обшитых в хрупкий и нарядный осиновый тес.

Вот и сейчас все это подобно молниям в июньскую грозу промелькнуло в голове у мчавшегося во весь опор по дороге всадника в развевающемся на ветру дорогом стрелецком кафтане и украшенной седыми соболями шапке. Как все это было не знать самому Федору Леонтьевичу Шакловитому, могущественному главе Стрелецкого приказа, по одному слову которого под стены дворца могли подойти почти два десятка тысяч стрелков с огнебойными мушкетами и пушками. Шепотом рассказывая о могуществе боярина, не забывали упомянуть и об особой благосклонности к нему со стороны царевны-девицы, которая всякий раз одаривала его всякими дорогими подарками – заморскими стеклянными кубками, уральскими яхонтами и новгородскими соболями. Поговаривали даже, что были они тайно обвенчаны друг с другом и в одной из верных семей рос плод их любви – светловолосый мальчонка, которого даже прочили в новые государи. Но знал ли кто-нибудь из этих шепчущих правду? Вряд ли. Ведь

сенным девкам, прислуживавшим самой царице, за слишком длинные языки было обещано их вырвать, а их самих стегать батогами до костей. Сама же государыня хоть и сияла ярче солнца при встречах с милым другом, но также никому ничего не рассказывала.

– Милостивец, испей квасу с дороги, – к пересекшему Передние ворота всаднику уже подскочил один из стрелецких голов, что ведал охраной дворца. – Матушка государыня с утречка уж не раз тебя поминала. Как, мол, там боярин Федор Леонтьевич поживает? Я, как вами было и велено, всегда отвечивал, что по государевым делам занят.

Шакловитый, хмурый и недовольный, молча спрыгнул с коня.

– Вот, милостивец, испей. Ядреный, с хренком и чесноком.

Тот рыкнул на него так, что крынка с квасом выскочила из ослабевших рук стрелецкого головы и упала на землю, щедро разливая ядреную жидкость на пыльную дорогу. Сам же боярин, бросив поводья, едва ли не бегом понесся через весь двор к крыльцу.

Внутри дворец, состоявший из двух десятков теремов и башен, для непосвященного человека больше напоминал лабиринт, по которому можно было часами бегать в поисках нужной комнаты. Двести семьдесят разных помещений, соединенные переходами и лестницами в единый комплекс, впечатляли и поражали. Однако боярин здесь был настолько частым гостем, что все эти красоты его совсем не прельщали. Да и дело, что привело его сюда, было не настолько радостным, чтобы любоваться великолепными росписями стен и деревянной резьбой мебели.

Вот уже показался знакомый коридор, весь залитый светом от широких стрельчатых окон, ведущий к покоям царицы. Не успел Шакловитый сделать и пары шагов, как показалась сама она, Софья. Статная, дородная, с высокой грудью, она была облачена в царские одежды, поражающие своей пышностью и богатством. На ней было темно-синее парчовое верхнее платье, богато расшитое крупным жемчугом. Оплечье, плотно охватывавшее шею царевны, серебрилось от блестящей вышивки серебряными нитями и от этого казалось каким-то невиданным восточным украшением. Вставки из шелковистого бархата и капелек белоснежного жемчуга украшали наручи царевны. Однако больше всего поражал своим богатством высокий головной убор царевны, искрящийся в лучах солнца от многочисленных сердоликов, опалов и кораллов. Встречавшая в таком облачении послов, Софья не одного иноземца заставляла в восхищении застыть на месте, а потом, втайне, скрежетать зубами от зависти и злобы.

Царевна, выскочившая в коридор, руками отстранила служанок, что-то ей подававших. Круглое лицо ее светилось радостью от встречи с любимым человеком. Вряд ли бы в это мгновение у кого-то могло возникнуть сомнение в том, что этих двоих связывало нечто большее, чем служба или дружба. С такой теплотой и любовью, с диким желанием прикоснуться к любимому человеку друг на друга могли смотреть лишь влюбленные.

– Федорушка, свет мой, что же ты так долго? – Из-за длинного, до пола, одеяния казалось, что царица не бежала, а плыла по деревянной поверхности коридора. – Заставил меня волноваться. Я же все глаза проглядела в окошко и думала уже послать за тобой. Почто ты так?

Обнявший ее Федор тоже шептал ей что-то ласковое, что было слышно только им двоим. Возможно, это была какая-то милая дребедень, которой так любят обмениваться любящие люди. Но вот он отстранился от нее и замолчал, с тревогой вглядываясь в глаза Софьи.

– Что с тобой? – сразу же почувствовала неладное царица. – Али случилось что?

Оглянувшийся по сторонам Шакловитый дернулся в сторону покоев царевны.

– Пройдем в светлицу, любушка, – сделав несколько шагов, он оказался у двери. – Про братца твоего говорить будем. Новости у меня нерадостные есть, Софьюшка.

Вскоре, выпроводив служанок и накрепко затворив дверь, они сидели рядышком на низкой тахте. Ее руки касались рукава его кафтана, словно в страхе, что он снова куда-то исчезнет. Он же в задумчивости теребил пустой кубок, по стенке которого медленно стекала кроваво-красная капля.

– Плохо, Софьюшка, плохо. Братец твой, как оженился, силу стал набирать. И пяти ден не прошло со дня свадебки, а он уже разных людишек вокруг себя собирает. Да и Нарышкины головы стали поднимать. Смотрят дерзко да рты свои поганые не закрывают. Гутарят, что скоро всех противников своего Петеньки вешать будут на заборах.

Гримаса исказила лицо царевны, сделав его угрожающе жестким. Окаменев, она устави-лась куда-то вдаль, в сторону окошка.

– Верные людишки донесли, что седни уже на Кукуе он шабаш свой собирает. Будет там много иноземцев, что полками и ротами нашими командуют, – продолжал рассказывать Шакловитый нерадостные новости. – Сказывают, что выскочка этот уже похвалялся, что тебя, Софьюшка, в монастырь отправит на вечное сидение, а меня и боярина Василия Голицына, дружку твою, жизни лишит при всем народе. Вот что за участь нам сготовил нарышкинский ублюдок. Нежто ты, любушка моя, такой себе судьбы хочешь?

Правда, не сказал своей любовнице Шакловитый, что чуть приврал он в своей речи. Веселились и праздновали, конечно, Нарышкины, что родственник их Петр Алексеевич женился и теперь по закону станет полновластным государем. Но никто особо волком на Софью не смотрел и слова особо дурного в ее сторону не говорил. Никто крови ее не хотел. Придумал он это, чтобы царевна слушать его речи стала и планам его не сопротивлялась. Был у него свой резон нагонять на женщину такого страха. При всей своей кажущейся силе и грозной власти, не готова была царевна к открытой и кровавой борьбе за трон. Брату своему она, конечно же, совсем не благоволила и считала малолетним оболтусом и разгильдяем, но и смерти его не желала.

Федор же Леонтьевич имел совершенно иное мнение на все это. Царевича Петра, что бегал за немцами как собачонка и со своими потешными ратниками игрался, он уже сейчас признавал за своего кровного врага. Его совсем не обманывало малолетство царевича, кажущаяся наивность и отсутствие интереса к трону. Все это может измениться в один момент. Малолетство сменится юностью, наивность – расчетливостью, а трон покажется очень желанной целью. За странными и смешными развлечениями Петра с потешными войсками он видел совсем не потеху и дурость, а нечто иное, более серьезное, что очень скоро вырастет в настоящую угрозу для всех них. Эти деревенские увальни, которые бегали вместе с царевичем по полям и оврагам, стреляли из пушек пареной репой и штурмовали ледяные крепости, уже завтра превратятся в первоклассных воинов, которым погрязшие в хозяйстве стрельцы будут на один зубок. Не забывал Шакловитый и про иноземных офицеров, которых Петр особо привлекал. Среди всякой иноземной швали, что валом валили на Русь, глава Стрелецкого приказа встречал много опытных военных, которые очень многому могли научить петровских солдатиков.

– Ты пойми, душа моя, еще пару ден, и все станет другим. Нашепчет матушка своему сынку Петруше про великие обиды от тебя, а остальные Нарышкины ее поддержат.

Прикусившая губу Софья еще сильнее вцепилась в рукав Федора.

– На моих стрельцов тоже скоро надежи может не быть. Жалованье мы им задержали почти за полгода. Разговоры среди них разные ходят. Полковники уж двоих нарышкинских людишек у себя ловили, что стрельцов смущают и речи разные говорят. Тебя поносят и братца твою хвалят. Как бы чего не вышло.

Шакловитый всем своим нутром чувствовал, что Петр сегодня, завтра или послезавтра все равно станет для них угрозой. Он же, будучи опытным воякой, привык устранять такие угрозы, пока они не превратились в настоящие проблемы. Он был убежден, что действовать нужно как можно скорее, и старался это свое мнение донести до Софьи.

– Самое время сейчас, Софьюшка, – напирал Шакловитый, видя, что царевна уже готова во все поверить. – Нарышкинские людишки еще дня четыре, а то и всю седмицу, гулеванить будут. Мои послухи вызнали, что всей дворне десяток бочек пива и вина столько же выкатили.

Закуски любой поставили. Ешь и пей, сколько душевненьке угодно. Если сейчас выступить, то всех их можно со спущенными портками взять. Саму Нарышкину и сынка ее в монастырь отправить надо, в Соловки, чтобы света белого там не видели. А если пожелаешь, Софьюшка, – тут черты лица Шакловитого сделались жесткими, словно высеченными из камня; чувствовалось, что принимать и исполнять такие решения ему было совсем не впервой, – то и не доедут они до монастыря. Мало ли каких татей на дорогах водится? Вдруг кто из них позарится на добро и кровь им пустит? Как пожелаешь, так и сделаю.

Царевна его словам едва уловимо кивала. Но едва до нее дошел смысл последнего предложения, она вздрогнула.

– Ты что, Феденька, царскую кровь пустить хочешь? – всплеснула она руками. – Душу свою загубишь. Проклянут нас Нарышкины, да и другие не простят.

На губах Федора едва уловимо мелькнула улыбка, но тут же спряталась где-то в густоте усов. Конечно, ему было наплевать на чьи-то проклятия и угрозы. Он был главой Стрелецкого приказа и слышал все эти стенания и проклятия по десятку раз на дню. Сейчас его заботила лишь эта угроза, а не что-то иное, мистическое.

– Софьюшка, ради тебя я готов и душу свою загубить. – Он с чувством приобнял ее. – Я же тебе добра желаю. Нарышкины тебя погубить мечтают, нешто ты этого не желаешь видеть? Защитить тебя хочу...

Однако царевна все еще не сдавалась. Ей владели противоречивые чувства. С одной стороны, она уже вкусила и распробовала это сладостное чувство власти, когда перед тобой склоняют голову тысячи мужчин и женщин, а твой взгляд ловят могущественные дворяне и бояре. Ей нравились роскошные царские одежды, кричащее богатство отцова дворца, ликующие сотни стрельцов под ее окнами. И она почти поверила, что так и останется всегда. Верила, что братец ее переберется и сам собой признает власть более опытной сестры. Мамаша его тоже не скажет слова поперек ее воли. С другой стороны, она боялась сама себе признаться, что так, как раньше, уже больше не будет. И взрослеющий Петр вот-вот начнет показывать свои клыки, а его матушка призовет под свои знамена многочисленных родственников. Она просто боялась принимать решение.

Все это, к своему неудовольствию, прочел в ее глазах и Шакловитый, которому не терпелось начать действовать. Тогда он решил вытащить последний козырь, который, по его мнению, должен был все расставить по своим местам.

– Добра ты больно, матушка, – с тяжелым вздохом произнес он после некоторого молчания, всем своим видом показывая, как сильно он за нее переживает. – Жалеешь каждого сирого и убогого. Врагов своих жалеешь, что погубить тебя желают. Поступаешь с кажным, как Господь наш Иисус Христос завещал... А знаешь ли ты, что вороги твои давно на Господа нашего наплевали? Да, да, любушка моя, истинно реку тебе. Наплевали. Хулу на него возводят. Требы языческие и богопротивные справляют.

Глаза у царевны в мгновение ока расширились, ноздри затрепетали, как у хищного зверя. Софья была истово верующей женщиной и считала себя защитницей православной веры. Вот тут-то Федор понял, что его удар достиг цели. Теперь, что бы он ни сказал, Софья поверит во все.

– Говори, говори, Федорушка. Все правду мне говори, – дрожащим голосом сказала она, оглядывая его в нетерпении. – Кто в нашем православном царстве посмел требы богомерзким богам власть и веру нашу хулить? Не бойся, не стану я жалеть таких людишек. Говори...

– Человек с утрава мне верный донес, что на Кукуевой слободке у полковника Лефорта, что с братцем твоим тесную дружбу водит, служка есть по прозванию Лексашка. Недавно еще энтот Лексашка с голым задом по улицам бегал и пирожками торговал. Сейчас же Лефорт приблизил его к себе, в доме своем поселил и денюгу немалую платит. Слышал мой человек, как энтот Лексашка ночью богу неведомому молился, зовя его сатанинским именем Вукупедия.

Поспрошал я седни дьяка одного про энто сатанинское имя. Дьяк ответствовал, что у Вельзевула много тьма поганых слуг и Вукупедия среди них один из главнейших. Видишь, матушка, что у ноженек твоих белых творится. И братца твоего хотят они к язычеству склонить, а можа, и склонили уже, – округлил глаза Федор, словно сам испугался своего предположения. – Видели же, как братец твой пускает богомерзкий дым носом и ртом с вонючего табака...

Софья вдруг подняла руку, прерывая любовника. Сейчас в ее глазах не было и намека на сомнение и жалость. Перед стрельцом стояла настоящая государыня, одним мановением руки посылающая тысячи и тысячи людей на верную смерть.

– Давай же, Федорушка, с Богом. Подымай полки. – Встав с места, царевна с тяжелым вздохом перекрестила своего любовника. – Не след никому веру православную рушить. Еретиков же всех в порубы сажать надо, а послед выпрашивать их всех. Кто их к порушению веры православной склонял? Братца же мово, Петрушу, схвати. Токмо в живости он нужен. В монастырь я ево отправлю, грехи свои замаливать. Матушка ево також в монастырь отправится. Там энтим самое место. Тех же, кто богомерзкие требы клал, в поруб посадить. Без жалости, Федорушка. Без жалости! Иди...

Не скрывая радости, глава Стрелецкого приказа с чувством обнял Софью и быстро вышел из покоев. Впереди его ждало множество дел, которые должны были лишить его всех врагов и расчистить для Софьи путь к трону. Естественно, и Петра, и его мать он уже списал в неизбежные, но так нужные потери. И было совершенно не важно, как они умрут – от сабли ли неизвестного стрельца, или задохнутся в пожаре, или их затопчут всадники, или от чего-то еще. Главное – их не станет!

Поднимать он решил не все полки. Слишком уж аморфной и неоднородной массой стали стрельцы, разжирев на подачках и погрязнув в безнаказанности. Были среди них и те, кто с большим интересом посматривал в сторону юного и любопытного наследника, который не делил своих подданных на знатных и незнатных. Шакловитый, как глава Стрелецкого приказа, водил особую дружбы с девятью полковниками, за которыми стояло больше семи тысяч стрельцов. Их-то он и «подкармливал», задабривал, и жалованье выплачивая раньше остальных, и оружейную «сброю» выделяя наилучшую. Не забывал он и разговоры с ними разные вести: про старые времена, про крепкую веру, про порушение основ, про стрелецкую правду, про неопытного наследника и мудрую государыню, которая очень милостива к верным слугам. Словом, ничего не надо было придумывать. В его голове уже все было.

...Я же этим утром встал в самую рань и даже подумать не мог, что над всеми нами, а над моей головой в особенности, сгустились черные тучи. Да и откуда я мог это знать? В моей памяти была лишь одна тревожная дата – 1700 год, когда Россия вступила в войну против сильнейшего государства Европейского континента – Шведского королевства. Я был бесконечно уверен, что до этого года в жизни Петра, да и моей тоже, были тишь и гладь. Никаких мыслей о бунте стрельцов у меня даже в мыслях не было.

– Лексашка, сукин сын! Слязай живо! – в окне сарая, где я валялся на сене, показалась обозленная рожа Ганса. – Хозяин тебя кличет. Бегом, обормот! Бегом!

Помня, какой сегодня день, я птицей слетел с сеновала и оказался на земле. На проклятия Ганса, который, крихтя, слезал с лестницы, я никакого внимания не обратил. Он постоянно на меня орал и чем-то грозился. Что теперь по каждому поводу чесаться, что ли?! Хотя если бы я в тот момент прислушался к бормотаниям Ганса, то в будущем избежал бы очень и очень многих проблем...

– Лексей, где тебя носить? – у крыльца я как раз и наткнулся на самого Лефорта, который до этого внимательно всматривался в сторону видневшейся макушки протестантской церкви. – Скоро Петр Алексевиш пожаловать. Рубаху менять, а то на оборванца похож. В доме, – махнул он рукой. – Аксинья што-то нашла. Подождать!

Я уже было рванул в дом, как Лефорт ухватил меня за плечо.

– Лексей, ты помнишь наш договор? Ты держать слово?

Я кивнул, и в этот момент с улицы раздался залихватский свист и следом же пронзительный мальчишеский вопль:

– Едут, едут!

Таким же воплем отозвался другой звонкий голос с противоположной стороны, где стояла еще парочка прикормленных Лефортом пацанов:

– Едут, едут!

Через несколько мгновений в дверь ворот с грохотом кто-то забарабанил.

– Господин Лефорт! Господине! Едут!

Мы подскочили к воротам одновременно. Я тянул на себя одну створку, швейцарец – другую. С улицы тут же появилось трое босоногих подростков, радостно тыкавших пальцами в сторону церкви. Именно оттуда и должен был появиться долгожданный гость со своей свитой.

– Вот. Ваша плата. – Лефорт в каждую протянутую ему ладошку важно кидал по крошечной медной чешуйке-денеге. – Хорошо работать. Гут. А теперь идти отсюда! Быстро! – Три грязные мордахи переглянулись и мгновенно исчезли за воротами. – Шнель!

Вскоре показались сами гости. Из-за поворота, стуча копытами по брусчатке, вырвалась кавалькада всадников, впереди которой на здоровенном жеребце скакал сам Петр. Что и говорить, смотрелся он очень колоритно! Я, в своих до серой холстины отстиранных портах и рубахе, даже в воротину вцепился.

В свои семнадцать лет Петр Алексеевич был довольно высоким, с неплохим разворотом плеч. Его кулакам даже сейчас могли позавидовать многие мужики. Вдобавок он был весь какой-то порывистый, резкий, словно на шарнирах, что отражалось и на его походке, движениях. Казалось, Петр все время куда-то боялся не успеть, опоздать сделать что-то очень важное. Отсюда и его широкие, буквально аршинные, шаги, порывистые движения, быстрая перемена настроения и желаний. Он очень быстро переключался с одного дела на другое, практически все пытался делать сам...

Петр осадил жеребца у самых ворот и тут же ловко спрыгнул с него на землю. Одетый в камзол иноземного покроя, он с радостным воплем бросился обниматься с Лефортом.

– Ждал, небось, Франц?! – усмехнулся он, оглядывая встречающую его дворню. – Давай показывай, как готовился!

Теперь уже я усмехнулся, слыша все это. Правда, усмешку эту пришлось спрятать. Сейчас, если повезет, за такое могли и в зубы дать, а если нет, то батогами отстегать. «Ждали, Петя. Столы ломаются от припасов, как тебя ждали. С вчера еще бочки с пивом и вином заготовлены. Смотрите вусмерть не упейтесь и не ужритесь! Блин, и куда только столько влезает?» Если честно, в свое время, читая исторические книги об этих временах, смотря фильмы, я с большим сомнением относился к описаниям таких столов. Все эти безумные нагромождения еды, выпивки мне казались преувеличенными. Нельзя же столько жрать! Сорок – пятьдесят перемен первого, второго! Потом ведрами и бочками самого разного питья! Это же все физически не могло влезть! Однако здесь я убедился, что это не преувеличение! На царских пирах и боярских застольях гости жрали так, что засыпали за столами, падали замертво.

– Ждали, государь, ошень ждали. Для меня это есть большая честь. – Лефорт чуть посторонился, пропуская Петра вперед. – Я приготовить подарки... для рихтиг... правильного государя. Для настоящего зольдат, для воина.

Невооруженным глазом было видно, что Петру такая неприкрытая лесть нравилась. Очень нравилась. Блестели его глаза, на губах гуляла улыбка. «Как окучивает, немчура... почти немчура. Просто подметки рвет... Интересно, а точно ли все это из-за денег? Может, Лефорт просто на кого-то работает? Была же байка, что большая часть петровских реформ, мягко говоря, оказалась губительной для страны. Читал ведь, что Петр свет Алексеевич положил

чуть ли не четверть населения страны: в Азовских походах, Северной войне, своих гулаговских стройках. Притащил из Европы новые шмотки, безбородые лица, оргии, табачок и т. д. и т. п. Может, Петя это не ангел небесный, а черт рогатый?» Признаться, после таких мыслей на Лефорте и Петра я взглянул совершенно другими глазами. «Нужно ли было все это городить? Особенно такими методами? Лес рубят, щепки летят, да или нет? Может, надо было идти совсем другим путем? Что, совсем не было других вариантов? Я, даже не будучи великим экономистом и военачальником, могу назвать пару вариантов, как бы действовал на месте Петра Великого. Может, попробовать рискнуть? Сейчас ведь тот самый момент, когда можно повлиять на государя. Его еще можно в чем-то убедить...»

Я не успел дожевать эту мысль, заметив выразительный кивок Лефорте. По всей видимости, вскоре он собирался представить Петру и меня. «Ладно, война план покажет».

– Ах! – и тут дверь отворилась и на пороге в дурманящем аромате розового масла появился кто-то весь в воздушных рюшечках, между которыми поблескивало белоснежное тело. – Ой!

Как же это прозвучало невинно и одновременно дико сексуально! Мы все трое – Лефорте, Петр и я – «сделали стойку» одновременно, словно договаривались об этом заранее. «Бог мой! Вот это мадама! Как же она расфуфырилась! Просто бомба!» В какой-то момент я даже позаиводовал юному царю, на которого и была заряжена эта скромно улыбающаяся штучка.

Вы видели этот растиражированный образ баварской подавальщицы с двумя здоровеными кружками пенного пива, прижатыми к необъятной груди улыбающейся дивы? Если да, то примерное представление о том, как выглядела в это мгновение Анна Монс, должны иметь. На ней было белое платье с таким декольте, что очень и очень многое открывало нескромному взгляду. Ее пышные черные волосы, красиво обрамлявшие белоснежное личико, были перехвачены сверкающей диадемой. В очаровательных ушках виднелись серебряные сережки с красными камешками, похожими на крошечные капельки крови. Если же скользнуть взглядом к ногам этой юной обольстительницы, то чуть ниже края подола можно было увидеть носики ее аккуратненьких башмачков. «Черт побери, у бедной женушки Петра нет ни шанса. Куда дочурке захудалого дворянчика тягаться с такой штучкой, да еще специально заряженной на царя! Сто процентов, ни шанса! И дело тут, конечно, не в сиськах... Слишком уж многое стоит на кону... Хотя, надо признать, выглядят они завораживающе».

– Прошу меня простить...

Петр, не отрывая взгляда, смотрел на невинно хлопающую ресницами Анну; вид у него сильно напоминал состояние контуженного.

– Я – Анна...

Лефорте тут же сделал шаг вперед и чуть ли не торжественно проговорил:

– Государь, прошу меня простить, я не познакомить вас со своей гостьей.

Барышня вновь потупила глазки, сложив ручки на животе и явив собой просто образец убийственной невинности.

– Это есть дочь мой лучший френд... друг торговец Монс, Анна Монс.

Тут она изобразила книксен, чуть присев и открыв такой вид на ее восхитительные полушария, что у меня волосы дыбом встали.

– Она помочь мне показать мой дом. Прошу, государь.

«Блин! Я тут голову ломаю, как на себя внимание обратить. А она даже париться не стала, как показала товар лицом... Молодец! Далеко девка пойдет. Я тогда что парюсь?! У меня, конечно, такого природного богатства нет, но зато есть кое-какие знания».

Дальше началась действо, которое сам же Петр назовет красивым словом – ассамблея. Я же, видя все собственными глазами, скажу проще. Начавшееся довольно чинно и благородно сидение за пиршественным столом через пару часов превратилось в безудержную пьянку с диким хохотом, воплями, криками и с довольно странными развлечениями. В одного пытались

вливать чуть ли не ведро вина, другого заставляли глотать сырые яйца и нечищенные лимоны. А в одном из закутков лефортовского дома я вообще наткнулся на какого-то петровского офицера, пытавшегося задрать юбку служанке. Хорошо наклюкавшийся офицерик все время откидывал мешавшую ему шпагу и одновременно пытался удержать вырывающуюся девицу.

От собравшихся не отставала и красотка Анна. Она, конечно, придерживалась известных границ, но залихватски хохотала вместе со всеми. От вина тоже не отказывалась.

Ближе к вечеру, когда Петр и его гости явно подустали от шума, гама и танцев, застолье начало плавно перетекать в фазу, когда начинались полуфилософские разговоры за жизнь и «как обустроить Россию». Чувствуя, что скоро может выпасть и мне шанс блеснуть знаниями, я незаметно занял позицию возле одной из длинных штор и замер.

В какой-то момент взмокшие от бега слуги начали освобождать часть стола от многочисленной посуды, обедок и мусора. Петр, раскрасневшись от выпитого пива, громким голосом требовал от Лефорта рассказать про Азовские походы. Голоса швейцарца из-за шума-то и слышно особо не было.

– ...А ты всем поведай! Что, друг Франц, думаешь, мы про Ваську Голицына ничего не знаем? – Петр с чувством шмякнул глиняной кружкой о стол. – Какой он такой воин? Сколь людишек в степи положил?

Чувствовалось, что юного государя несло. Так долго сдерживаемое раздражение, а может, даже и ненависть, к тем, кто отделял его от власти, наконец-то выплеснулось. Ему явно хотелось посмеяться над неудачей Василия Голицына, так и не сумевшего овладеть Азовской крепостью.

Швейцарец же замылся. Он что-то пытался говорить. От волнения его акцент еще сильнее коверкал речь.

– Эс вар катастрофии. – Лефорт на освобожденной части стола начал показывать движение российских войск, которые изображали моченые яблоки. – Магометане жечь степь. Было очень много дыма, государь. Зольдаты не могли дышать, часто кашлять и падать замертво. Все колодцы и источники на нашем пути были засыпаны. Едер таг... каждый день мы теряли фюфциг одер зексциг зольдатен. Магометане кружили вокруг нас и осыпали стрелами. Мы стрелять из пушек и фузей, но был маленький урон. Пули не доставать. – Вскоре яблоки, лежавшие на столе, оказались в окружении рассыпанной соли. – Я посылать фуражир за водой и припасами, но никто не возвращаться обратно... Ничего нельзя было сделать, государь.

Во время этого рассказа я превратился в «одно большое ухо», понимая, что сейчас все зависело только от меня одного.

– Государь, там есть земля магометан. Простым наскоком с ними не справиться. Нужно много припасов, огненного зелья, дальнобойных пушек, кирасы на всадников. – Лефорт сгреб в сторону и яблоки и соль. – Я думать, государь, нужно строить крепости. Каждая крепость есть форпост, и на него можно опираться.

В принципе, швейцарец предлагал реальный план медленного, но эффективного выдавливания крымчаков, а с ними и османов с южных земель. Нужно постепенно углубляться на территорию противника, строя опорные пункты или базы для действия. Правда, у этого плана было два очень веских недостатка – огромная стоимость и очень долгий срок реализации.

– Також ждять долгонько придется, – заявил об этом кто-то из присутствующих. – Так не нам, а сыновцам нашим...

Лефорт в ответ попытался что-то сказать, но его ломаный голос тут же потонул в гуле выкриков и пьяных воплей, поносящих Голицына, крымчаков и даже царевну Софью.

– Неумехи! В питье гожи, а в воинской науке неумехи! Экзерции частые потребны! – громче всех кричал Петр, размахивая глиняной кружкой. – Что за воины такие? Пузо с ремня свисает, фузея не чищена. Ему не воинской наукой заниматься, а ремеслом каким. Сидят в

Стрелецкой слободке, сапоги тачают, горшки делают да кузнечным промыслом промышленяют. Не потребно сие для царства Российского!

Я уже другими глазами смотрел на юного царя, начавшего задвигать идеи космического характера. «А Петя-то, оказывается, душой болеет. Другой бы в его возрасте и статусе сиськи женские мял на сеновале да водку пьянствовал. Орел просто, пусть и пьяненький немного».

– Инфантерия должна как у швейского короля Карлуса быти! Крепкий орднунг должен быти! – продолжал вещать Петр собравшимся. – Артиллерия! Пушки зело крепкие! Також и с крымчаками говорить можно. Мы, брате, как Софку к тряпкам да горшкам отправим, сразу же наладим и инфантерию, и артиллерию по швейскому порядку.

В тот момент, пока все восторженно внимали этим откровениям, я дернул за рукав Лефорта, закрывая его от остальных широким куском портьеры.

– С государем знакомь, как обещал. – Я быстро зашептал на ухо недовольному швейцарцу: – Есть у меня что ему сказать... Не пожалеешь!

В глазах Лефорта читалось сомнение и еще, похоже, желание взять меня за шкуру и выкинуть из дома.

– Такого, что я скажу, государь еще ни от кого и слышать не слышал.

Бросив на меня последний взгляд, он кивнул и двинулся к царю. Непонятно было, что творилось в его голове: то ли он поверил в меня, то ли решил от меня избавиться.

Он постоял рядом с царем несколько мгновений, и тот подозвал меня рукой. Шумно выдохнув, я подскочил к ним.

– Франц сказывал, что дюже разумный ты малый. Математике обучен. Считать зело быстро умеешь?

Я поклонился, пробормотав что-то невнятное.

– Сочти-ка мне, сколь станет, коли пять дюжин вместе соединить? – вдруг, прищурив глаза, задал он мне каверзный, как, по всей видимости, он считал, вопрос. – Чай до завтра дашь ответ...

Я почти сразу же ответил. Чего ждать?! Задача для простаков. Но для юного Петра, видит бог, это был смачный щелчок по носу! Он аж в лице переменялся от такой скорости. «Получил, будущий друг Петр?! Распишись! А теперь надо ковать железо, пока оно не остыло... Блин, чем я там его хотел удивить-то? Черт! Совсем из башки вылетело!» От этой мысли меня тут же прошиб холодный пот. Ждал-ждал судьбоносной встречи и все забыл, когда настало время действовать.

– Шустро-шустро, – восхищенно пробормотал Петр, смотря на меня с удивлением. – Никто так зело быстро счесть не мог, а ты смог. Мне такие люди потребны. А коли и в другом ты так же разумеешь, то в почете у меня будешь. – Повернувшись вполоборота к остальным, юный царь начал, похоже, развивать свою мысль: – Вскоре гнать стану скудных умишком и дурных нравов с мест... И в приказах, и в армии потребны розмыслы, что не о брюхе и мощне своей пекутся, а о благе отечества...

Я же, пока Петр таким неожиданным спичем дал мне время подумать, разродился лишь одной мыслью. «Черт! Черт! Только про штыки вспомнил! Со штыками вроде сейчас большая проблема. Как они там называются? Байонеты, кажется... Их же сейчас в дуло фузеи вбивают, когда колоть надо. Вроде штык с втулкой еще не придумали? Или придумали? Вот же башка стоеросовая! Думай-дума! У стрельцов я вроде ничего подобного не видел... Может, у потешных Петра есть такая новинка? Стоп! Когда мы царя встречали у ворот, то с ним была пара его преображенцев с фузеями. Только что за штыки у них были?»

В конце концов, когда тянуть больше уже было нельзя, я решился.

– Мой государь.

Петр обернулся в мою сторону.

– Есть у меня несколько интересных придумок для инфантерии, чтобы супротивника легче и лучше бить. Дозволь рассказать.

Тот заинтересовано кивнул.

– Прикажи, государь, фузею принести со всеми припасами.

Где-то через минуту в зале появился высокий гренадер в приталенном камзоле с до блеска начищенными бронзовыми пуговицами и здоровенным ружьем, у которого был короткий приклад и довольно длинный ствол. Фузею гренадер положил на стол. Рядом легли емкость с порохом, свинцовые шарики-пули. Последним на столе оказался и долгожданный штык, в который я буквально вцепился глазами. К моему несказанному облегчению, он оказался «старой моделью», то есть вбиваемым на манер втулки в ствол оружия. Из фузеи при этом невозможно было вести стрельбу.

– Придумка моя, государь, такая. – Я взял штык и начал привязывать его веревкой к стволу фузеи. – Штык надо к трубке приделать, чтобы надевать ее прямо на ствол. Солдат при этом сможет стрелять, а при случае и колоть врага.

Замолчав, я приложил фузею к плечу и сделал вид, что стреляю. Потом показал, как сразу же можно ей и заколоть кого-нибудь.

Я, конечно, после этого не ожидал оглушительных аплодисментов или криков «браво». Однако и на гробовую тишину, установившуюся в зале, признаться, я также не рассчитывал. Честное слово, даже стухнул немного.

– Дай-ка. – Лефорт взял со стола фузею и уверенным движением несколько раз ткнул в воображаемого врага, а потом также выстрелил. – Ладная придумать, Лексашка.

Фузею у него тут же отобрал Петр, начавший проделывать с ней те же самые манипуляции. И, судя по его довольному лицу, увиденное понравилось.

– Разумно. А вы что встали столбами? – крикнул он остальным. – Глядите! А ты молодец! Еще знаешь что?

И в этот момент, похоже на почве стресса, меня «прорвало». Я вспомнил знаменитого британца Шрэпнела, придумавшего и воплотившего в железе знаменитый снаряд со шрапнелью. Я видел в Лондонском музее макет этого снаряда, названного убийцей кавалеристов и пехотинцев.

– Знаю, государь. Знаю, как по инфантерии и кавалерии железным и свинцовым дробом на тысячу шагов стрелять, – произнес я.

Царь при этих словах, с недоверием, замер. «А тебя все-таки проняло... Неудивительно. Поди, о таком и мечтать не смел. Сейчас-то картечью на триста – четыреста шагов бьют, а я предлагаю на тысячу. Разница громадная! Понимает, что преимущество в дальности артиллерии почти сто процентов гарантирует победу над противником... Сейчас, по ходу, обниматься полезет. По крайней мере, по фильмам он именно так выражал свой восторг».

Однако пророк из меня оказался совсем хреновым. За окнами вдруг раздался громкий шум. Заржали лошади. Кто-то стал ломиться в ворота, с силой барабана по доскам. Вдобавок оглушительно грохнул пистолетный выстрел.

– Государь! Государь! – в разлетевшееся стеклянными осколками окно вдруг влезла уса-тая рожа гренадера и заорала: – В Москве смута! Стрельцы в полки собираются, а их атаманы перед дворцом на царство Софью кличут. На Кукуй зовут идти иноземцев бить! Спасаться надо!

Боже, какой ор поднялся! Мне, как человеку не слишком военному, теперь прекрасно стало видно, что такое паника и в чем ее опасность. Кто-то из зала ломанулся уже при первых воплях гренадера, сшибая стулья, слуг с подносами. Начали кричать и петровские сопровождающие, призывавшие то ли спасаться бегством, то ли собирать войска, то ли прятаться куда-то. Не смог устоять и сам Петр, видимо до жути испугавшийся. Уже потом, когда я прочно войду в его ближний круг, он поделится причинами такой своей паники. Мол, в детстве уже

был стрелецкий мятеж, когда на его глазах разорвали на части его дядю и двух других бояр. Стрельцы тыкали саблями в сторону его самого и его матери, называя царьком и несмышлёнышем.

– Лексей, готовь коней! – Швейцарец оказался почти единственным, кто сохранил присутствие духа. – Государь! Соберитесь! Здесь есть хорошее для обороны место. Это Троице-Сергиева кирхе...

Дальнейшие события в моей памяти слились в какую-то безумную череду быстро меняющихся сюжетов. Вот мы, группа всадников из двадцати – тридцати человек, в полной темноте куда-то скачем. Ветер бьет в лицо, ветки хлещут по телу, летят грязь и песок. Потом звучали какие-то громкие крики, слышалась стрельба, виднелось искаженное страхом лицо юного царя. А над всем этим гремел спокойный и умиротворенный голос старого инокa, встречающего нас у ворот обители с тлеющей лучиной в руке.

И вот я уже лежу в келье на голых досках Троице-Сергиевой лавры и никак не могу заснуть. И дело было совсем не в жесткой соломе, колющей тело, или бодрящей прохладе в комнатухе какого-то монаха, а в обуревавших меня мыслях. Мыслей было множество – сложных, простых, больших, маленьких, о вечном, о суетном. Они, как маленькие пчелки, роились в моей голове... Я думал об испуганном Петре, думал о своем будущем. Пытался представить, что будет, когда я все-таки смогу найти ту самую картину. Куда она меня забросит в очередной раз? В прошлое или будущее? В какое прошлое или какое будущее? А может, я окажусь вообще в другом мире, которому нет названия? Кто знает, почему эти картины стали порталами в другие миры?

– Кто знает... – шептал я, ворочаясь с бока на бок. – Знал бы кто, голову оторвал бы.

Глава 5. Час икс

Замученный дергаными событиями вчерашнего дня, я дрых буквально без задних ног, чему не смогли помешать ни едва прикрытые соломой доски монастырской лежанки, ни богатырский храп лежавшего рядом соседа, ни громкая мышьяная возня в одном из углов кельи. Тем более внезапным оказалось мое пробуждение, начавшееся с каркающего вопля и последовавшего за ним нетерпеливого потряхивания.

– Лексей! Ахтунг! Вставайт! – Я уже почти узнал этот до боли знакомый голос, как меня снова тряхнули, и с такой силой, что чуть не сбросили с лежанки. – Штейт ауф! Бистро!

Открыв глаза, я обнаружил наклонившегося надо мной Лефорта, снова тянувшего свои руки к моему многострадальному плечу. И, судя по его осунувшемуся лицу с характерными мешками и кругами под глазами, ему-то как раз выпасться не удалось от слова совсем.

– Подниматся. Пришел человек с вестью о врагах государя. Стрельцы идут, – не сказав больше ничего, он развернулся и вышел из кельи.

Я же, с округлившимися глазами, едва не взлетел в воздух. Такие новости с утра бодрили похлеще самого крепкого кофе или чая.

– Вот же, блин! Думал, все само рассосется!

Из кельи я уже несся в сторону монастырской трапезной, где, судя по звуку, располагалось местное командование в виде самого Петра и его приближенных. Как же так? Стрельцы же вроде сами должны успокоиться...

Трапезная располагалась на первом этаже приземистого здания монастыря, кельи же – крохотные каменные комнатухи, больше напоминавшие тюремные камеры, – были почти у самой крыши. Вниз вела одна ужасно скрипучая лестница, добежав до которой я остановился.

– ... Також идуць, государь. Оружны все, злые как черти. С фузеями и пушками, – донесся до меня чей-то гундосый голос. – Не-ет, государь, бояр не видывал. Головы стрелецкие были, а бояр не видывал... Идуць, государь, и в каждой деревушке и селе брагу требуют и закуски всякой разной. Горланят, что на царство Софку ставить будут.

Я медленно начал спускаться, вслушиваясь в каждое слово, по-видимому, перебежчика.

– ... Конных мало, государь. Повозки також идуць с ними, – продолжал гундосить первый голос. – Не ведаю, государь. Не разумею грамоте... Говаривали, все стрельцы поднялись и к лавре поспешают...

После этих слов я так и осел на ступеньки. Не надо было иметь пяти пядей во лбу, чтобы понимать – ситуация со стрелецким бунтом начала развиваться по самому паршивому сценарию. «Проклятье! Дело-то, оказывается, швах. Если верить этому гундосому, то большая часть стрельцов из московского гарнизона двинулась к нам в гости. И за пазухой у них отнюдь не цветы и шампанское, а пушки и фузеи. Судя по тому, что их качественно подогревают в каждом селении, то и Петра, и нас заодно никто не собирается оставлять в живых... Интересно, наши гонца уже отправили в Пресбург к потешным? Лефорт вчера хвалился, что в этой маленькой петровской армии почти две тысячи штыков с артиллерией в качестве усиления... А стрельцов тогда сколько? С неделю назад слушал, что в Стрелецкой слободке их с зимы проживало под пятьдесят тысяч, а с семьями и за все сто перевалит. Конечно, к нам двинулись самые отможенные и бесшабашные. Вопрос только, сколько их?»

Отвлечшись от нерадостных мыслей, я вновь вслушался в разговор в трапезной, который, что греха таить, еще больше напугал меня. Судя по возгласам, никто из сидевших вообще не имел никакого представления о происходящем за стенами лавры. Над здоровенным столом звучали лишь одни предположения, самым здравым из которых было лишь собрать все свои пожитки и бежать на юг или север. Кто-то даже предположил искать спасения у давних недругов Российского государства – в польских и шведских королевствах. Там, мол, можно

будет обратиться за помощью к папе римскому... Странно, но сражаться призывал лишь один Лефорт. Швейцарец воинственно топорщил усы, то и дело призывая раздать оружие монахам и крестьянам окрестных селений. От звучащего меня посетила очень даже нерадостная мысль: «А на ту ли лошадку я поставил?»

Словом, в трапезную я спустился довольно сильно заряженный. Мне жутко захотелось наорать на этих горе-полководцев, которые за болтовней и ором ничего другого не видели.

– Петр Алексеевич?! Государь! – крикнул я во весь голос, стараясь перекрыть стоявший над столом гомон. Меня совсем не смущало, что я кричу на самого настоящего царя и его приближенных. – Нельзя же просто так сидеть! Надо что-то делать! – по мере того, как шум стихал, на моей краснеющей физиономии скрещивалось все больше и больше взглядов. – Времени же почти нет.

В этих, направленных на меня, взглядах можно было прочесть немало. Я бы даже сказал, очень многое и характеризующее меня отнюдь не как усердного и скромного слугу. Один заросший бородицей ближник Петра, вроде родственник его какой-то по матери, вообще зыркнул на меня так, словно я мотыга или метла говорящая. «Черт, что я струхнул, как баба?! На кону ведь и моя жизнь. Если стрельцы доберутся до Петра, то и мне не поздоровится».

– Петр Алексеевич, разумею я, что разведать нужно все обстоятельно, – быстро-быстро начал говорить я, не давая им всем опомниться и заткнуть мне рот. – Конягу хворого какого возьму и до стрельцов пойду. Посмотрю, сколь там кого. Я же считать могу и грамоту разумею. После полудня и обернусь... Обернусь, государь, не сумлевайся. И стрельцы, паскудники, меня не тронут. Я же вона какой лопухий да конопатый. Еще дерюгу на себя натяну и грязью обмажусь. Кто тогда на меня взглянет? А конягу спрячу в леске каком-нибудь...

«Ну, Петр, друг ситный, давай соображай! Нам же позарез нужна разведка! Пока твои дуболомы догадываются, стрельцы уже будут здесь и прищучат нас за мягкое вымя». Первым, до кого дошел весь смысл моего предположения, оказался Лефорт. Он тут же склонился к Петру и что-то глухо зашептал ему на ухо.

И уже через некоторое время мне, действительно, выделили какого-то коника – смирную лошадку, на которой монахи сено возили с покосов. Провожал меня сам Лефорт, раздобывший у какого-то инока нечто драное, в многочисленных зап латах и вонючее к тому же.

– Ты, Алексей, есть настоящий зольдат. Храбрый, стойкий. – Он накиннул мне на плечи дерюгу. – Я доволен, что не ошибится в тебе. Держи... и пусть он тебе не пригодится, – в мою ладонь лег небольшой ладный ножичек с рукояткой из бересты. – Возвращается.

Кивнув в ответ, я вывел лошадку за пределы мощных стен монастыря и вновь замер в раздумьях. «...А точно ли это мое время? Что-то совсем не похоже, что стрельцы решили лишь немного пошутить. Если же на этот раз мятеж окажется успешным, то Петр до конца своих дней станет носить монашеский клобук». Словно в тумане, я взобрался на конягу и хлопнул ее по крупу, что, впрочем, на меланхоличного четвероного не возымело почти никакого действия. «Черт! Тогда какого черта я собрался лезть в самую пасть тигра? Может, лучше к царевне Софье отправиться? Чувствуется, баба она с амбициями. Власть она не просто любит, а обожает. Неужели я не смогу устроиться при ней?»

Эту мысленную жвачку я жевал недолго, ровно до первого поворота дороги. Мне вдруг показались эти метания такими жалкими и глупыми, что я от души пнул свою конягу голыми пятками. Не ожидавшее от меня такой подлости, четвероное жалобно заржало и припустило галопом. «Баран! Кто меня там ждет? Я для нее вообще никто! Ноль без палочки! Или с палочкой для утех... Блин! Дерьмо какое-то в башку лезет. Надо делать то, что решил, и будь, что будет». Прошептав это напутствие несколько раз, я более или менее успокоился и решил вернуться к первоначальному плану, который, правда, для местного уха выглядел довольно неправдоподобным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.